

НОВЫЯ КНИГИ:

Д-ръ Е. Деннертъ. УМЕРЪ ЛИ БОГЪ?

Переводъ съ нѣмецкаго Ф. А. Гильберта, подъ редакціей
свящ. Ал. Введенскаго. Одесса. 1914 г. Цѣна 1 рубль.

Проф. Діовуніоти. ТАИНСТВА ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Переводъ съ греческаго языка Х. Д. Куртиди, подъ редакціей
свящ. Ал. Введенскаго. Одесса. 1914 г. Ц. 1 руб.

Свящ. Ал. Введенскій.

1) Духовникъ Н. В. Гоголя.

(Къ переоцѣнкѣ его характеристики). Одесса. 1913 г.
Цѣна 25 коп.

2) Дѣйствующія законоположенія касательно старо-
обрядцевъ и сектантовъ.

Одесса. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Означенныя книги можно пріобрѣтать въ Одесскомъ отдѣленіи
книжнаго магазина Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“.

Александръ Введенскій.

Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней.

Томъ I.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ Одесскомъ Отдѣленіи книжнаго магазина А. С. Суворина „Новое Время“.
1914.

Типографія Л. Нигче, Одесса, улица Кондратенко, № 30.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей богословской литературѣ нѣтъ специальныхъ изданій, гдѣ рѣшались бы всѣ религіозныя сомнѣнія текущаго времени.

А надобность въ нихъ большая. Потому что томимые „тревожными“ вопросами никогда не обратятся за помощью къ другимъ. Ложный стыдъ не позволить имъ этого сдѣлать. Да, пожалуй, и другіе станутъ смѣяться и издѣваться надъ ними, какъ это, къ сожалѣнію, принято у насъ.

Вотъ почему „ищущіе Бога“ предпочитаютъ собственными силами бороться съ нахлынувшими сомнѣніями, чѣмъ впустить другихъ въ свое святая святыхъ.

Для нихъ и предназначается эта книга, которая является первымъ томомъ того обширнаго труда, который задуманъ нами съ цѣлью облегчить тяжесть религіозныхъ переживаній всѣмъ искренно ищущимъ Бога своего.

Авторъ.

Одесса.
Іюнь, 1914 г.

Оскудѣніе вѣры.

(Психологическій этюдъ).

Невѣріе потому такою широкою волною разлилось по лицу всей земли, что для него настала пора.

Человѣческое познание, говорятъ, въ своемъ естественномъ ростѣ неминуемо должно пройти три стадіи: Первая стадія—теологическая, вторая—метафизическая и третья—позитивная¹⁾.

На теологической стадіи находятся народы, стоящіе на самой низкой ступени умственного развитія. На этой стадіи человѣкъ старается объяснить себѣ многія явленія природы при помощи предположенія, что позади каждаго явленія находится какое-либо живое существо, которое создаетъ это явленіе. Затѣмъ, пытается уяснить себѣ причины происхожденія міра, опредѣлить и объяснить все то, что относится къ области сверхъестественнаго.

Теологическая стадія уступаетъ мѣсто второй стадіи — метафизической. На этой стадіи развитія человѣкъ задается вопросами о внутренней природѣ вещей.

Наконецъ, на третьей ступени развитія человѣкъ начинаетъ понимать, что все существующее внѣ нашего чувственного опыта не можетъ быть воспринято. Ибо познание сверхъестественнаго недостижимо. Изучать можно только то, что представляется нашимъ чувствамъ. Посему, всѣ вопросы о внутренней сущности вещей, о началѣ міра нужно отбросить. Равнымъ образомъ, такъ надо поступить и со всѣми вопросами относительно того, что находится внѣ сферы чувственного воспріятія.

Таковъ необходимый процессъ человѣческаго развитія, говорятъ намъ. Посему и нечего удивляться тому, что невѣріе растетъ, а вѣра глохнетъ и на убыль идетъ. Человѣчеству пришла пора перейти отъ одной стадіи къ другой, и оно перешло, сдѣлало шагъ впередъ, отрѣшилось отъ всѣхъ теологическихъ и метафизическихъ понятій и представлений, вошло въ сферу позитивнаго мышленія, которое отрицаетъ всѣ истины и символы въ области духа.

Такъ объясняютъ намъ причину невѣрія современные премьеры науки.

Но мы при всемъ своемъ безпристрастіи никакъ не мо-

¹⁾ Подробно объ этихъ трехъ стадіяхъ развитія см. Челпанова: „Введеніе въ философію“. Изд. 3-е Кіевъ, 1907 г. стр. 240.

жемъ согласиться съ такою точкою зрѣнія. Мы протестуемъ противъ нея всѣми фибрами своей души. Мы заявляемъ, что она ложна, имѣетъ невѣрные послышки въ своей первоосновѣ и противорѣчитъ всѣмъ историко-культурнымъ даннымъ.

Мы не отрицаемъ естественнаго развитія человѣческаго сознанія и всѣхъ зарегистрированныхъ исторіей этаповъ. Мы только оспариваемъ самый распорядокъ указанныхъ стадій. Ученые говорятъ, что теологическая стадія—удѣлъ первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ. Мы же стоимъ за то, что она свойственна только просвѣщенному человѣчеству.

Чтобы не быть голословнымъ, предпримемъ маленькую экскурсію въ область исторіи философіи¹⁾.

Послѣдняя говоритъ намъ, что философскій геній человѣка изслѣдуетъ сначала сущность внѣшняго міра, сущность окружающей насъ природы; затѣмъ переходитъ къ вопросу о человѣкѣ и, наконецъ, останавливается на томъ, Кто выше міра и человѣка, именно на Божествѣ.

Пробудившись впервые, философскій геній мудреца, какъ человѣкъ, попавшій въ невѣдомый ему край, задается прежде всего вопросомъ, гдѣ онъ, что его окружаетъ. Длинный рядъ философовъ пылливо рѣшаетъ вопросъ исключительно о внѣшней, матеріальной природѣ, почему работа ихъ мысли, обычно, и называется философіей природы или натуръ-философіей.

Отецъ философіи, Фалесъ, отыскиваетъ начало всѣхъ началъ въ природѣ, первичный элементъ, изъ котораго путемъ видоизмѣненія произошло все разнообразіе видимыхъ предметовъ. Онъ знаетъ, что все, что существуетъ въ природѣ, существуетъ или какъ твердое тѣло, или какъ жидкость, или какъ газъ, и дѣлаетъ гениальную догадку, что всѣ твердые тѣла, жидкости и газы произошли изъ воды. Вода сама по себѣ—жидкость; охлаждаясь и замерзая, она превращается въ ледъ, становится твердымъ тѣломъ; подъ дѣйствіемъ огня она испаряется, дѣлается газомъ.

Слѣдующій философъ, Анаксименъ, продолжаетъ Фалеса. Онъ учитъ, что самая вода берется изъ воздуха и видоизмѣняется воздухомъ. Нагрѣтый воздухъ впитываетъ въ себя

¹⁾ Историко-философскій процессъ развитія человѣческаго сознанія мы излагаемъ по статьѣ Петрова: „Языкъ вѣчной правды“.

Невѣріе растетъ. Растетъ быстро, не по днямъ, а по часамъ. Развивается съ молніеносною быстротою. Крѣпнетъ съ поразительною силою. Захватываетъ все большее и большее пространство.

Какъ злое чудовище, оно постоянно врывается все въ новыя и новыя села, города, деревни, семьи и человѣческія души. Врывается со страшной силою, совсѣмъ неожиданно, со всѣми ужасами своего тлетворнаго и леденящаго дыханія. Оно губить и давить рѣшительно все, что встрѣчаетъ на пути своего триумфальнаго шествія. Губить душу, губить совѣсть, губить правду и добро, губить все чистое и святое въ человѣкѣ, чѣмъ онъ жилъ, чѣмъ дорожилъ, чѣмъ вдохновлялся и утѣшался.

Его останавливаютъ. Ему полагаютъ на пути всевозможныя препоны. Съ нимъ борется цѣлая армія христіанскихъ апологетовъ и огромная рать „ревнителей благочестія“. Но ничего не помогаетъ. Невѣріе всюду проникаетъ. Всюду несетъ съ собою великое и страшное зло. Зло для Церкви, для государства, для семьи, для всякой отдѣльной души.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить такой непомерный ростъ безбожія и невѣрія? Какими причинами вызывается и обусловливается столь печальное явленіе нашихъ дней? Чѣмъ питается и поддерживается оно? Въ чемъ находитъ свою опору и успѣхъ?

Вотъ всѣ эти вопросы мы и попытаемся освѣтить въ предлагаемой статьѣ.

* * *

Мы спрашиваемъ: отчего такъ быстро развивается невѣріе въ наши дни?

А люди, считающіеся учеными, называющіе себя матеріалистами, позитивистами и другими подобными именами, такъ отвѣчаютъ на предложенный вопросъ:

частицы воды, охлажденный—выдѣляетъ. Слѣдовательно, сущность всего, въ томъ числѣ и Фалесовской первичной воды—воздухъ.

Гераклитъ вводитъ новую стихію. „Жизнь есть движеніе“—учить онъ.—„Все, что живетъ и существуетъ, движется. Двигается матерія, движется мысль. Причина всеобщаго движенія, жизни всего—огонь, вѣрнѣе, процессъ горѣнія. Огонь нагрѣваетъ и воду, и воздухъ, и заставляетъ ихъ перемѣщаться, принимать то бѣльшую, то меньшую плотность. Огонь есть, стало быть, причина всеобщаго разнообразія, основа—вселенной.

Эмпедоклъ видитъ недостаточность одной стихіи для уясненія всего разнообразія сущаго и беретъ въ основу своего ученія соединеніе всѣхъ стихій—и воздухъ, и воду, и огонь, а Анаксимандръ сущностью бытія признаетъ нѣчто высшее, чѣмъ всѣ стихіи вмѣстѣ или каждая порознь.

Новый философъ, Анаксагоръ, воздвигаетъ новое начало. Онъ учитъ, что все существующее существуетъ не хаотически, а въ разумномъ строѣ, порядкѣ. Значитъ, въ основѣ матеріи лежитъ разумъ, проникающій всю матерію.

Великій математикъ и философъ Пифагоръ намѣченную Анаксагоромъ разумность міровой матеріи дѣлаетъ основной задачей своей философіи. Онъ старается уяснить міровую гармонию.

— Въ мірѣ все гармонично, — учитъ онъ; все соединено въ одно стройное законченное цѣлое. Если бы мы имѣли особо утонченный слухъ, мы бы могли въ міровомъ пространствѣ внимать необычайной гармоніи планетныхъ сферъ, какъ внимаемъ на землѣ привычнымъ ухомъ музыкальную гармонию.

Уясненіе этой міровой гармоніи, точное опредѣленіе ея законовъ, вычисленіе ея математическимъ путемъ и составляетъ сущность философскаго ученія Пифагора.

Послѣ Пифагора и его великихъ предшественниковъ, вселенная, міровая природа для пыливости философскаго генія не представляетъ больше ничего достойнаго, и философія природы уступаетъ свое мѣсто философіи человѣка. Вмѣсто основнаго принципа древней греческой философіи: „познай вселенную“, Сократъ провозглашаетъ: познай самого себя“.

Въ ряду другихъ греческихъ мудрецовъ Сократъ—новое

и исключительное явленіе. Насколько тѣ жили внѣшней природой, старались разгадать тайну ея бытія, настолько Сократъ не любилъ и не интересовался внѣшней природой. Когда однажды ученики, чуднымъ весеннимъ днемъ, стали звать Сократа на прогулку за городъ, онъ отказался и спросилъ:

— Чему меня можетъ научить эта глупая, хотя можетъ быть, и красивая природа?

Въ Сократѣ философская мысль шагнула далеко впередъ. Она отъ стихійной природы перешла къ разумному человѣку. Мало того, она намѣтила и послѣдній, важнѣйшій шагъ. Сократъ говорилъ, что онъ самъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, и другихъ ничему не можетъ научить, а если въ его рѣчахъ есть что доброе и высоко цѣнное, то это отъ „даймона“, отъ Божества, голосъ котораго онъ слышитъ въ себѣ.

Философія гениальнаго сократовскаго ученика, Платона, и есть, по преимуществу, философія „даймона“, философія Божества. Великій преемникъ Платона, Аристотель, новыхъ горизонтовъ для полетовъ философской мысли открыть уже не могъ. До него философскимъ геніемъ были охвачены всѣ сферы познанія, и ему оставалось заняться законами самого познанія, что главнымъ образомъ, и дѣлаетъ послѣдній великій греческій философъ и первый авторъ логики, Аристотель.

Такимъ образомъ, философская мысль человѣчества въ своемъ естественномъ развитіи прошла три стадіи: познаніе природы, познаніе человѣка и, наконецъ, познаніе Божества. Это—альфа и омега, начало и конецъ, предѣльные границы духовной жизни, роста и развитія человѣка. Сначала стихійность (природа), потомъ разумность (человѣкъ) и завершеніе всего—святость (Божество).

Тутъ вершины философской мысли сливаются съ религіей, и религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философіей.

Пояснимъ эту мысль простыми примѣрами.

Возьмите различныя отношенія человѣка къ природѣ. Для человѣка, стоящаго на низшей стихійной точкѣ пониманія міра, природа представляется громадной кладовой, складомъ провизіи, доставшимся ему въ добычу. Для человѣка, поднявшагося на вторую ступень пониманія міробытія, смотрящаго на все сквозь призму разума, природа предста-

вляется безпредѣльнымъ научнымъ кабинетомъ, богатѣйшей лабораторіей, полной глубокихъ научныхъ тайнъ. Для человека же религіознаго—пониманіе природы, какъ куска добычи, какъ жирной кости, доставшейся голодной собакѣ, кажется бѣднымъ, убогимъ по внутреннему содержанию, унижительнымъ и оскорбительнымъ для его собственного достоинства.

Не удовлетворяется онъ и взглядомъ на природу, какъ на богатый научный кабинетъ. Онъ смотритъ на міръ, какъ на дивный и необъятный Божій храмъ, гдѣ всѣ голоса природы: и раскаты грома, и трель соловья, и шелестъ лѣсной листвы, и ревъ водопада сливаются въ одинъ общій гармоничный гимнъ.

Другой примѣръ.

Возьмите взаимныя отношенія людей. При стихійномъ пониманіи, человекъ для человека—волкъ. Одинъ смотритъ на другого, какъ на вѣрнаго соперника, какъ на врага въ общей схваткѣ за существованіе, какъ на опаснаго конкурента за жизненнымъ столомъ, гдѣ видится больше голодныхъ ртовъ, чѣмъ закрытыхъ приборовъ.

При научномъ пониманіи вопроса, человекъ разсматривается, какъ отдѣльный общественный атомъ, какъ клѣточка общественного организма, и взаимныя отношенія людей, какъ отношенія труда и капитала, опредѣляются законами политической экономіи и другихъ социальныхъ наукъ. Для религіознаго же человека всякій другой человекъ, независимо отъ его работоспособности, отъ его положенія, взглядовъ и убѣжденій, есть ближній братъ, котораго слѣдуетъ окружать самою нѣжною любовью и за котораго въ нуждѣ обязательно надо душу отдать.

Отсюда ясно, что высшее пониманіе всей міровой жизни и различныхъ отдѣльных ея проявленій—есть пониманіе религіозное. Всякое иное пониманіе неизбежно будетъ пониманіемъ идейно-бѣднымъ, не охватывающимъ всей глубины предмета или вопроса.

Если же религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философіей, что доказывается и исторіей философіи и исторіей культуры, то говорить послѣ этого, что теологическая стадія есть удѣлъ первобытныхъ людей, по крайней мѣрѣ недобросовѣстно.

А если вѣрно то, что религіозное пониманіе есть высшая философія, послѣдній этапъ въ развитіи человѣческаго сознанія,

значить невѣрно то, будто послѣдняя стадія нашего мышленія исключаетъ возможность христіанской вѣры, значить, есть какая-то другая причина современнаго невѣрія.

Какая же именно?

* * *

Намъ кажется, что главная причина современнаго невѣрія кроется въ томъ, что люди отрѣшились отъ думъ о горнемъ мірѣ, приникли къ землѣ и живутъ, и дышатъ только ею. Апостолъ говорилъ христіанамъ: „горняя мудруйте, а не земная“. Люди же мало по-малу забыли этотъ спасительный глаголъ, осутились своими помышленіями, перенесли все свое вниманіе съ божественныхъ высотъ на грѣшную землю и прониклись ея думами, интересами и заботами. Они, какъ говорится, съ головою ушли въ заботы о благахъ вѣшняго, матеріальнаго міра. У нихъ и минутки свободной не осталось, чтобы побыть наединѣ съ самими собою, подумать о Богѣ, о загробномъ мірѣ, о душѣ.

У Панкратова ¹⁾, въ его интересной книжкѣ „Ищущіе Бога“ мы находимъ такой любопытный примѣръ.

Одинъ бывший московскій купецъ, окончательно разорившійся, въ бесѣдѣ съ другимъ, тоже, кажется, разорившимся купцомъ говорилъ:

„Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотреть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой горячкѣ жизнь и какъ станемъ подводить балансы, анъ и не знаемъ—зачѣмъ жили? Неужели затѣмъ, чтобы домъ строить? Да пропади они пропадомъ. Я стою вотъ у фонтана, думаю... и хочется мнѣ иногда влѣзть на Ивана Великаго, ударить въ Царь-Колоколъ, выстрѣлить въ Царь-Пушку, чтобы земля задрожала, и совѣсть людская проснулась. Хочется крикнуть съ Ивана Великаго всей торговой Москвѣ: „остановитесь! Христомъ Богомъ молю, остановитесь, пока еще не поздно. Бросьте наживу, посмотрите въ душу, чѣмъ живетъ она, Верните къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонитесь за грошами,

¹⁾ Москва. 1911 г. стр. 6.

вы упускаете „тысячи“... Но знаю, никто меня не послушает... Скажутъ: когда былъ богатъ, такъ не разсуждалъ, а голытьбѣ мало ли что въ голову придетъ...

— А ты, дѣйствительно, когда былъ богатъ, такъ не думалъ?—спрашивалъ Морозова Сычуговъ.

— Не думалъ. Некогда было думать. Вставалъ въ шесть часовъ утра и до поздней ночи бѣгалъ, колотился, вносилъ деньги въ банкъ, бралъ изъ банка, учитывалъ векселя, думалъ, гдѣ бы занять денегъ. Когда же тутъ думать о другомъ?

— Съ какой же минуты ты сталъ думать иначе?

— Какъ сталъ нищимъ. Я какъ будто проснулся, а вокругъ меня черепки отъ моей прежней жизни. Весь въ нутро ушелъ я и чувствую, что какъ будто только начинаю жить: во все всматриваюсь, все оцѣниваю“...

И такъ, вотъ, всѣ люди. Каждый человѣкъ „малодушно погруженъ въ заботы суетнаго міра“. Гдѣ ужъ тутъ думать о Богѣ? Духовные интересы отходятъ на задній планъ. Они подавляются, приносятся въ жертву матеріальнымъ, вслѣдствіе чего, мало по-малу гложутъ и, наконецъ, атрофируются совѣсть.

„Бога нужно искать внутри самого себя, говоритъ св. Левъ Великій. Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, духовнымъ осязаніемъ. Мы должны стремиться видѣть Его своими глазами, слышать своими ушами, и наши руки должны осязать Слово жизни. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: вкусите и видите, какъ благъ Господь“¹⁾.

И это чувство должно развиваться, совершенствоваться, находить для себя пищу. Но для этого его надо поставить въ благоприятныя условія. Послѣднія таковы:

„Кто хочетъ прійти къ Господу, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Божиимъ и удостоиться св. Духа“, — читаемъ мы въ 1-мъ словѣ святаго Макарія „О сохраненіи сердца“, — „тотъ, чтобы ему быть въ состояніи неукоризненнаго и чисто творить плоды по заповѣдямъ Господнимъ, долженъ положить такое начало. Во-первыхъ, должно ему твердо увѣровать въ Господа, всецѣло посвятить себя словесамъ заповѣдей Его, во всемъ отречься отъ міра, чтобы умъ совер-

¹⁾ М. Новоселовъ: „Забывъ путь опытнаго Богопознанія“. Изд. 3-е. Москва 1912 г. стр. 11.

шенно не быть занятъ ничѣмъ видимымъ; всегда надлежитъ ему пребывать въ молитвѣ и не отчаяваться, ожидая непрестанно пощенія и помощи отъ Господа и во всякое время имѣть се цѣлью ума своего. Потомъ надобно ему всегда принуждать себя ко всему доброму, къ соблюденію всѣхъ заповѣдей Господнихъ, хотя бы и не желало того сердце по причинѣ пребывающаго въ немъ грѣха. Да принуждаетъ себя постоянно пребывать въ молитвахъ, во всякое время прося съ вѣрою, чтобы Господь пришелъ и вселился въ немъ, усовершилъ и укрѣпилъ его во всѣхъ заповѣдяхъ Своихъ, и чтобы душа его сдѣлалась обителью Иисуса Христа... И Господь, видя такое доброе раченіе, сотворить съ нимъ милость Свою, избавить его отъ живущаго въ немъ грѣха, исполняя его Духомъ Святымъ“¹⁾.

Итакъ, вотъ что по совѣту великаго христіанскаго подвижника мы должны дѣлать, чтобы притти къ Богу, ощутить Его въ своемъ сердцѣ и чрезъ то увѣровать въ Него, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Творца и удостоиться св. Духа.

Но развѣ современные люди близки къ такому состоянію? Стремятся къ осуществленію святоотеческихъ наставленій? Познали путь опытнаго Богопознанія?

Нисколько.

Многіе миллионы людей до такой степени поглощены теперь заботами о матеріальномъ благополучіи, что они теряютъ даже вкусъ къ высшимъ вопросамъ человѣческаго духа и заниматься ими считаютъ поэтому дѣломъ пустымъ, совершенно несвойственнымъ дѣловому человѣку.

Другіе при полной матеріальной обеспеченности и при совершенной свободѣ отъ всякихъ дѣловыхъ занятій увлечены цѣликомъ погоней за удовольствіями и внѣшними радостями жизни.

Словомъ, люди цѣликомъ ушли въ земное и даже не мечтаютъ о небесномъ. Голосъ Христа Спасителя не находитъ доступа къ ихъ сердцу, не призываетъ ихъ къ внутренней работѣ, не влечетъ ихъ мыслей къ горнему міру. Они духовно

¹⁾ Тамъ же стр. 21.

не растут. А если организмы не растут, они неизбежно должны ухудшаться.

Въ природѣ (физической, равно и духовной) существуетъ законъ, по которому всякій органъ, не развиваемый, не упражняемый, постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, совершенно атрофируется, парализуется и даже вымираетъ.

Въ интересной книжкѣ Витковского „За океанъ“ ¹⁾ мы находимъ великолѣпныя иллюстраціи къ развиваемому нами положенію.

Авторъ сообщаетъ намъ, что въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоли и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ пещеръ, нѣтъ даже признаковъ органа зрѣнія, не существуетъ глазныхъ впадинъ. Очевидно, туда, подъ своды пещеръ, цѣлые вѣка не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. Рыбы и крысы никогда не пользовались органомъ зрѣнія, и онъ сначала ослабѣлъ у нихъ, парализовался, а потомъ и совсѣмъ исчезъ.

Такъ и съ духовнымъ зрѣніемъ. Просвѣтленное, нравственное чувство даетъ человѣку возможность слышать въ себѣ голосъ Божества. „Блаженны чистые сердцемъ: они Бога узрятъ“ ²⁾. Нерадѣніе же о нравственномъ самоусовершенствованіи приводитъ къ духовной слѣпотѣ, къ полному притупленію чувства реальности ³⁾, т. е., чувства присутствія вблизи себя или же въ себѣ той высшей Силы, которую мы называемъ Богомъ. О людяхъ подобнаго рода Христосъ Спаситель говорилъ: „и сбывается надъ ними пророчество Ісаіи, которое говоритъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и глазами смо-

¹⁾ Стр. 252.

²⁾ Матѣ. 5 гл. 8 ст.

³⁾ Пространно объ этомъ см. у Джемса: „Многообразіе религіознаго опыта“ стр. 46—69.

трѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ ¹⁾. Послѣ этого становятся вполнѣ понятны и слова притчи о талантахъ ²⁾: „всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что онъ имѣетъ“ ³⁾.

Вотъ это то самое съ буквальной точностью исполнилось и на современномъ человѣчествѣ. Духовныя потребности совершенно заглохли у него. Оно не росло духовно, не совершенствовалось морально, не занималось вопросами о Богѣ и о душѣ. Вотъ почему оно и лишилось способности чувствовать Божество, сообщаться съ Нимъ, понимать все относящееся къ Нему, все говорящее о Немъ.

Лучше всего эту мысль иллюстрировать такую притчей:

„Въ глубокомъ, постоянно шумѣвшемъ бору, росла сосенка, маленькая и тонкая: красноватая вѣточка ея всегда трепетала отъ вѣтра, залетавшаго въ глубь лѣса съ безконечныхъ жаркихъ полей. Кругомъ поднимались старыя, толстыя сосны и шумѣли своими колючими вершинами. Сосенка росла, какъ росли всѣ, и уже скоро она должна была уйти высоко-высоко, стать надъ темнымъ вѣковымъ боромъ, окинуть смѣлымъ взглядомъ вокругъ и тихо, и благоговѣнно взглянуть въ бездну синяго неба, съ его вѣчными звѣздными огнями.

Но пришелъ въ глубокій вѣчно шумѣвшій боръ человѣкъ. Онъ повалилъ на черную, сырую землю много сосновыхъ вершинъ, гордо озиравшихся вокругъ и тихо, и благоговѣнно смотрѣвшихъ въ синее небо, на вѣчные переливающиеся огни его... Маленькая тоненькая сосенка была не нужна ему. И онъ, проходя мимо, только надрубилъ ее шаловливымъ взмахомъ топора и, напѣвая, прошелъ дальше.

А маленькая сосенка начала клониться на одну сторону. По свѣжей ранѣ ея текли слезы, и она склонялась ниже и ниже. И согнулась такъ, что молодая вершина ея начала расти не ввысь, а въ сторону.

¹⁾ Матѣ. 13 гл. 14—15.

²⁾ Матѣ. 25 гл. 29 ст.

³⁾ Петрова „Евангеліе какъ основа жизни“. изд. 15 стр. 60.

Прошли года... Окрѣпла сосенка, отъ раны остался только глубокий желтый рубецъ. Но сосенка росла не въ высь, а въ сторону.

Ея подруги давно поднялись вверхъ и качались тамъ стройными, круглыми вершинами, оглядывая все вокругъ и тихо, и благоговѣнно взирая на небо и на вѣчные огни его.

И говорили онѣ сосенкѣ, оставшейся далеко у земли: у насъ здѣсь синее небо и солнце. Въ ночи намъ свѣтятъ лучистыя звѣзды и далеко намъ виденъ зеленый кругозоръ.

А сосенка ползла вдоль земли и видѣла только лѣсныя тѣни, длинную жесткую траву, сырую землю. И отвѣчала она далекимъ, гордо шумящимъ сестрамъ:

— У меня тѣни, трава и земля. И только... О какомъ синемъ небѣ говорите вы? О какомъ солнцѣ? О какихъ лучистыхъ звѣздахъ?... И dalej никакихъ не знаю я: здѣсь только стволы и вьющаяся поветель, и тѣни.

А сестры опять шумѣли сверху:

— Повѣрь: здѣсь солнце, какъ множество веснъ, собравшихся вмѣстѣ. Здѣсь свѣтлыя звѣзды горятъ и переливаются. Въ ночахъ — только смотрѣть бы на нихъ и тихо шевелить одеждою, привѣтствуя ихъ. И стоитъ надъ нами небо, и одѣваетъ наши вершины синею и прозрачною дымкою... И окутанныя—мы засыпаемъ, какъ въ колыбели...

А сосенка стонала внизу у земли, среди тѣней и цѣпкихъ травъ:

— Не вѣрю! Не вѣрю!

Но въ томъ стонѣ были не однѣ земля, тѣни и цѣпкія травы: въ немъ была тоска по синему небу и солнцу, и звѣздамъ, навсегда скрытымъ отъ маленькой искалѣченной сосенки¹⁾.

Конечно, это сказка ¹⁾.

Но въ ней слышна какая-то другая тоска, какое-то другое глубокое горе. То горе бѣдныхъ людей, ползущихъ по землѣ, въ вѣчныхъ тѣняхъ и цѣпкихъ травахъ. То тоска по Невѣдомому Богу, по бѣлымъ кроткимъ ангеламъ, по широкому горизонту, среди постоянныхъ потемокъ.

¹⁾ Она принадлежитъ современному талантливому беллетристу Кумову, автору прекрасныхъ очерковъ, изданныхъ подъ заглавіемъ „Безсмертніки“, откуда мы и позаимствовали вышеприведенную притчу см. стр. 210.

Вотъ эта-то бѣдная сосенка и есть символъ современнаго человѣчества, которое, прильнуло къ землѣ и не желая оторваться отъ нея, не видитъ неба, не имѣетъ никакого понятія о немъ и потому естественно отрицаетъ существованіе его, когда рѣчь заходитъ о немъ.

Объ этомъ и апостолъ Павелъ говоритъ:

„Душевный человѣкъ, писалъ онъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ ¹⁾.

Итакъ, подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать вотъ что:

Человѣчество не вѣритъ теперь главнымъ образомъ потому, что оно потеряло способностъ Богопознанія. А потеряло оно ее потому, что никогда не употребляло ее, вслѣдствіе чего она заглухла и атрофировалась.

* * *

Другою весьма важною и существенною причиною современнаго невѣрія является, по нашему глубокому убѣжденію, настоящая постановка религіознаго воспитанія и образованія.

Въ доброе старое время родители прежде всего заботились о томъ, чтобы воспитать своихъ дѣтей въ духѣ и истинѣ христіанской вѣры. Съ этою цѣлью ихъ зачастую водили въ храмъ, читали имъ книги религіозно-нравственнаго содержанія, рассказывали житія святыхъ. Заставляли молиться Богу, исполнять всѣ обряды и установленія православной Церкви, внушали уваженіе и любовь ко всему священному, церковному, христіанскому. И благодаря такой постановкѣ семейнаго воспитанія, религіозное чувство въ молодомъ поколѣніи крѣпло, расло, развивалось и приносило плодъ многъ. О невѣрії рѣдко и слышно было. О сомнѣніяхъ никто и не заикался.

Теперь же совсѣмъ не то. Теперь мало того, что не обращаютъ никакого вниманія на религіозное воспитаніе, но еще протестуютъ противъ него, находятъ его несвоевременнымъ, вреднымъ и опаснымъ для дѣтей.

¹⁾ 2 гл. 14.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

„Какъ-то разъ постомъ, — говоритъ дѣйствующее лицо разсказа современной писательницы З. Гиппиусъ „Сумасшедшая“, — сидимъ мы въ гостинной послѣ чая. Клавдія за книжкой. Входитъ Вѣра, — Андрюшку спать укладывала. Беретъ что-то со стола и говоритъ мнѣ довольно небрежно: „завтра я думаю итти къ обѣднѣ съ Андрюшей. Буду его причащать“.

„А у меня, знаете, относительно этого давно уже было свое незыблемое и весьма обоснованное рѣшеніе.

— Причащать? Нѣтъ, душа моя. Совершенно лишнее.

„Она подошла, спокойно сѣла возлѣ меня и глаза прищурила.

— Почему? Я, напротивъ, нахожу, что для ребенка необходимо.

— Напрасно находишь. Помнится, мы даже съ тобой объ этомъ какъ-то разсуждали. Во-первыхъ, Андрюшино здоровье мнѣ дорого; не говоря уже о тѣснотѣ и духотѣ, вспомни, что тутъ приносятъ цѣлую кучу неизвѣстныхъ ребятъ, а ложка одна...

„Вѣра еще болѣе прищурила глаза.

— Великолѣпно! Далѣе?

— А далѣе — я нахожу, что никакихъ обрядовъ надъ нимъ исполнять, ни говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ теперь, пока онъ не можетъ сознательно ихъ принять или отвергнуть, не слѣдуетъ. Это, если хочешь, — недобросовѣстное насиліе. Вырастетъ онъ, — разумъ ему подскажетъ, что дѣлать. Его будетъ воля.

„Вѣра ни слова. Смотритъ на меня въ упоръ и молчитъ.

„Няньку, которая развивала ребенка религиозно, ты отпустила — и хорошо сдѣлала. И тебя прошу, — прибавилъ я твердо, ни о чемъ такомъ ребенку не говорить, а довольствоваться при необходимости самими крайними объясненіями... Причащать не нужно...“

Возьмемъ еще повѣсть англійской писательницы Корелли: „Исторія дѣтской души“. Здѣсь говорится, что отецъ одного мальчика, Ліонеля, профессоръ, давно потерявшій вѣру въ Бога, тщательнo разъяснялъ мальчику, что въ настоящее время лишь одно грубое невѣжество еще вѣритъ въ Божественное Начало, что интеллигентные люди давно пришли къ заключенію,

что нѣтъ Бога, что „первая причина“ есть атомъ, порождающій другіе атомы, которые, вращаясь непрестанно, безсознательно, одной силой матеріи создаютъ міръ, что въ Божество Іисуса Христа могутъ вѣрить только люди простые, слабоумные и т. д.

О подобнаго рода воспитаніи и воззрѣніяхъ на религиозное обученіе дѣтей см. еще повѣсть Мамина-Сибиряка: „Профессоръ Спирька“, разсказъ М. Криницкаго: „Наслѣдственность“ и др.

Формулировать всѣ возраженія противъ религіознаго воспитанія дѣтей можно такими словами Кузьмина-Вьюгова, ожесточеннаго противника религіи въ семьѣ и автора тенденціознаго написанной брошюрки: „О религіозномъ воспитаніи дѣтей“.

„Учить дѣтей религіи — рано: они мало развиты. Учить дѣтей безплодно, — не поймутъ. Учить дѣтей вѣрѣ даже несправедливо: это значитъ насиловать ихъ совѣсть. Когда вырастутъ, тогда и облюбуютъ вѣру, тогда и усвоятъ ее сознательно. Учить дѣтей даже вредно: это можетъ помѣшать ихъ свѣтлому физическому воспитанію, можетъ удручающимъ образомъ подѣйствовать на развитіе мозга, положить печать меланхолии, заложить сѣмена будущаго религіознаго ригоризма, фанатизма, даже умопомѣшательства“.

Вотъ что говорятъ и пишутъ теперь по поводу религіи въ семьѣ и школѣ.

Конечно, такого рода родители и воспитатели никогда не смогутъ пробудить въ душѣ своихъ питомцевъ чувства вѣры. Если вопреки всякимъ предосторожностямъ и карантинамъ религіозное чувство и пробьется въ комъ-нибудь изъ дѣтей, то они убьютъ, погубятъ его и приложатъ все свое стараніе къ тому, чтобы съ корнемъ вырвать его изъ души богобоязненнаго дитяти.

Какъ это они дѣлаютъ — намъ показываетъ повѣсть Марка Криницкаго „Наслѣдственность“.

Въ семьѣ Сережи Трунина атмосфера искренняя, любящая, но какая-то испуганная. Здѣсь боятся всякой „прекрасной лжи, потому что рано или поздно она разобьетъ сердце“. И люди готовы были сжечь всю дѣтскую литературу, сказки и фантастическія повѣсти.

Факты... Факты... Естественно-научное образованіе — дис-

циплина ума. И мальчика засаживали за книжки, гдѣ говорилось о землѣ, водѣ, воздухѣ... И холодно было не только Сережѣ, но и матери, пожалуй, и отцу.

Хотѣлось чего-то, какихъ-то независимыхъ отъ „фактовъ“ основъ жизни,—„сказки“,—хотѣлось—даже и... отцу.

— Папа, о чемъ ты пишешь?—разъ спросилъ Сережа.

— Я, дружокъ, спрашиваю жизнь.

— Какъ?

— Я заставляю ее отвѣчать мнѣ цифрами.

— Это „факты“?..

Отецъ задумался и вдругъ привлекъ къ себѣ голову ребенка—точно хотѣлъ заглушить острую боль.

Онъ плакалъ...

— Да, мой другъ,—наконецъ, сказалъ онъ съ усиліемъ.— Это-то самое, что называютъ фактами.

„И это—все, что есть у мыслящаго человѣка. Когда ты подрастешь, я расскажу тебѣ все, что самъ узналъ изъ фактовъ, изъ цифръ“.

Но Сережѣ казалось, что этотъ большой и несчастный человѣкъ говоритъ неправду, и онъ почувствовалъ въ груди острую жалость къ отцу.

А ему часто хотѣлось спросить: „отчего мама захотѣла причаститься передъ смертью, зачѣмъ другіе люди ходятъ въ церковь?“

Чуткимъ сердцемъ онъ чувствовалъ зловѣщую тайну. Онъ завидовалъ боннѣ, которая по воскресеньямъ приходила изъ кирхи—строгая, важная, чѣмъ-то обрадованная.

Часы стучали—факты... факты...

И было страшно...

А когда позже Сережа совсѣмъ потерялъ своего Бога, онъ мечется въ пустой „тѣмѣ“ и все сильнѣе возрастаетъ его его безымянный ужасъ...

„Папа, опусти шторы! Мнѣ страшно!“

Вотъ какъ губятъ въ отрокахъ и юношахъ вѣру въ Бога. Конечно, это ужасно, безбожно, безчеловѣчно, возмутительно, но это такъ.

Да, губятъ душу теперь съ младенческихъ лѣтъ. Сушатъ

ее. Убиваютъ зародыши вѣры. Подавляютъ первые проблески религіознаго чувства.

Естественно поэтому, что вѣра оскудѣваетъ, а невѣріе крѣпнеть и растетъ.

Говорятъ, когда дѣти вырастутъ, тогда они сознательно все усвоятъ.

Но позвольте, разъ у нихъ будетъ атрофировано религіозное чувство, неужели они смогутъ повѣрить? Неужели парализованное чувство вновь восприметъ свою прежнюю силу и будетъ такъ же свободно функционировать, какъ и раньше?

Никогда и ни за что. То, что умерло, то вновь не родится.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ вполне справедливо замѣтилъ великій философъ Кантъ:

„Если говорить ребенку о Богѣ только послѣ, то въ первые годы, слыша постоянно Его имя, видя внѣшніе знаки богочитанія и не испытывая самъ ничего къ Невидимому Богу, онъ или привыкнетъ быть къ Нему равнодушнымъ, или получить превратныя понятія о Немъ“.

Интересными въ этомъ отношеніи являются дѣтскія воспоминанія Жоржъ-Зандѣ. Ея религіознымъ воспитаніемъ занимались мало. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда вмѣстѣ съ ней жила мать, ее заставляли время отъ времени заучивать молитвы. Когда матери подлѣ нея не стало, ей, по словамъ біографа, „предоставляли по собственному усмотрѣнію вѣрить во всѣхъ боговъ или не вѣрить ни въ одного, и она не вѣрила, а между тѣмъ, рассказываетъ она въ своей автобіографіи, „мнѣ нуженъ былъ идеалъ, нуженъ былъ Богъ, котораго я могла бы поставить во главѣ вселенной“. И она десятилѣтней дѣвочкой приступаетъ къ созданію своей собственной религіи. Она создаетъ себѣ идею Бога, который „не имѣлъ пола и являлся мнѣ то въ образѣ женщины, то въ образѣ мужчины. Я надѣляла его всѣми атрибутами физической и нравственной красоты, даромъ краснорѣчія, въ особенности силой музыкальной импровизаціи“. Юная Жоржъ-Зандѣ создала и нѣчто въ родѣ культа своему Богу. Она, говоритъ біографъ, „отыскала въ паркѣ маленькую лужайку, окруженную чащей большихъ деревьевъ и густыхъ кустарниковъ; тамъ она устроила изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, моху и раковинъ нѣчто въ родѣ жер-

твенника, украсила его гирляндами и букетами цвѣтовъ и приносила на немъ своему Богу жертвы, которыя состояли въ томъ, что она ловила птичекъ, маленькихъ звѣрковъ, насѣкомыхъ, запирала ихъ въ ящичекъ и потомъ выпускала на волю въ честь бога любви и свободы.“¹⁾

Другой примѣръ. Одинъ нѣмецкій ученый, желая воспитать своего сына въ полномъ незнаніи религіи, никогда не рассказывалъ ему о Богѣ и принялъ строгія мѣры къ тому, чтобы мальчикъ ничего не узналъ про Него. И вотъ мальчикъ самъ создалъ себѣ Бога. Это было солнце. Рано утромъ онъ тайкомъ ходилъ въ садъ, чтобы сноситься со своимъ божествомъ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ случайно открылъ это. Однажды утромъ онъ вошелъ въ садъ и увидѣлъ, какъ мальчикъ воздѣвалъ въ молитвѣ руки къ своему богу, къ солнцу.²⁾

Вотъ какъ опасно предоставлять дѣтей самимъ себѣ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. Правъ, сто разъ былъ правъ Кантъ, когда говорилъ, что если будемъ медлить сообщать дѣтямъ элементарныя свѣдѣнія о Богѣ, то они создадутъ свои собственныя представленія о Немъ, которыя будутъ ложными, превратными.

Говорятъ, не надо дѣтямъ рассказывать никакихъ легендъ, потому что „суевѣрія“ только развращаютъ и умъ, и сердце, и волю.

Мать барчонка, въ рассказѣ „Профессоръ Спирька“ Мамина-Сибиряка, ужаснулась, узнавъ, что ея кучеръ рассказываетъ мальчику объ угодникѣ „Паисіи“, мощи котораго покоятся въ Городищенскомъ монастырѣ, на Волгѣ.

„Ему-то, рассказывалъ кучеръ—Спирька, преподобному Паисію-то, каждый годъ новые башмаки шьютъ, потому какъ онъ, угодникъ Божій, всю округу за годъ-то обойдетъ. Гдѣ люди хорошіе живутъ, гдѣ бѣдные, больные, несчастные, у каждаго побываетъ. Его никто не видитъ, а онъ каждому можетъ. Ну, на годъ еле-еле башмаковъ-то и хватаетъ“.

Мать-то, повторяемъ мы, ужасается, слыша подобные рассказы, недовольна на Спирьку за „суевѣрія“, а писатель совершенно иначе относится ко всему этому.

¹⁾ Лозинскій: „Новыя проблемы воспитанія“. СПб. 1912 г. 25 стр.

²⁾ Д-ръ Е. Деннертъ: „Умеръ ли Богъ?“ стр. 133. Одесса. 1914 г.

„Вѣдь это еще вопросъ,—говоритъ онъ,—что лучше: громъ, какъ результатъ разрѣженія атмосфернаго электричества, или какъ поэтическій образъ пророка, несущагося на огненной колесницѣ. Конечно, кучеръ Спирька говорилъ много лишняго, но за вычета этого явились такія представленія, образы и слова, которыя падали на дѣтскую душу весеннимъ дождемъ, вызываящимъ первую травку, нѣжную, хрусткую и благоуханную. Въ дѣтской душѣ, окропляемой этими новыми словами, просвѣчивалась та святая русская тоска, которая спасаетъ русскаго человѣка“.

Говорятъ: «не надо насилловать ребенка...»

„А развѣ не насиліе мѣшать ребенку жить?—восклицаетъ „Сумасшедшая“ у Гиппіусъ. Почему, по какому праву, мы откажемъ ребенку въ томъ, къ чему онъ въ силу внутренняго порыва тянется? Зарони въ него искру,—она, можетъ быть, и разгорится. А насильственная темнота, на которую ты обрекаешь моего мальчика...“

„Вы... вы...—говорила, задыхаясь Вѣра,—мало вамъ, что меня погубили. Вы и ребенка моего хотите обездолить... Все, что въ дѣтствѣ дорого... отчего потомъ и человѣкомъ живымъ можно остаться... Заранѣ ему жилы перегрызаете... О, безбожники, безбожники!“¹⁾

Да, это вѣрно. Если заронить въ ребенка искорку, она можетъ быть, и разгорится. А если нѣтъ, если не будетъ этой искорки, то и огонь въ его душѣ не возгорится никогда.

Посему, отсюда выводъ таковъ: дѣтямъ можно и должно говорить о Богѣ и Божьей правдѣ.

Но у насъ не говорятъ. И потому религіозное чувство у нашихъ дѣтей постепенно гложетъ и замираетъ. Потому вѣра оскудѣваетъ, а невѣріе множится и растетъ. Потому много въ нашъ вѣкъ званыхъ, но мало избранныхъ.

* * *

Есть еще одна довольно существенная причина, способствующая прогрессивному росту современнаго невѣрія.

Это—отсутствіе живыхъ примѣровъ вѣры. Полный разладъ между словомъ и дѣломъ, между вѣрой и жизнью, между идеаломъ и дѣйствительностью.

¹⁾ З. Гиппіусъ: „Алый мечъ“ 4-я книга рассказовъ СПб. 1906 г. стр. 189—189

Такъ какъ этотъ факторъ обыкновенно оспаривается людьми, то мы постараемся затронутую нами мысль подтвердить соотвѣтствующими примѣрами.

Начнемъ съ дѣтей.

Дѣти, какъ извѣстно, живутъ подражаніемъ. Они инстинктивно повторяютъ своихъ родителей. Посему, если послѣдніе не являютъ собою примѣра истинно-христіанской жизни, не исполняютъ всѣхъ предписаній православной церкви, то можно быть увѣреннымъ, что дѣти, сколько бы имъ ни твердили о Богѣ, не будутъ вѣрующими людьми.

Доказательства сему можно найти у Франциска Манъ, въ его произведеніи: „Воспитаніе Гюнтера“.

Картина почти всѣмъ знакомая.

„Гюнтеръ, едва началъ говорить „папа“ и „мама“, какъ уже зналъ Бога... Богъ жилъ на небѣ, все видѣлъ. Нянька знала безчисленное множество рассказовъ, въ которыхъ говорилось о добротѣ и любви Бога. Однако, при малѣйшей попыткѣ со стороны мальчика послушаться, она неизмѣнно застрашивала его тѣмъ же Богомъ. Мальчикъ боялся Бога. И крѣпко любилъ Его. Его юную душу радовали райскія картины, подсказанныя ему пылкой дѣтской фантазіей. И, ложась спать, онъ каждый вечеръ устремлялъ свои мысли къ небу“.

Но религіозность мальчика тянулась недолго. Скоро жизнь разбила ее.

Однажды Гюнтеръ спросилъ у отца: одинаково ли зорко слѣдять Богъ за взрослыми, какъ и за дѣтьми? Ему почему-то казалось, что въ отношеніи взрослыхъ „Богъ какъ будто немного близорукъ“...

Вскорѣ послѣ этого Гюнтера сталъ интересоваться другой вопросъ:

„Почему взрослые находили возможность не бояться Бога?“

Ребенокъ, съ того времени, какъ начинаетъ понимать, съ недоумѣніемъ замѣчаетъ, что Бога „обижаютъ, игнорируютъ“.

И эти наблюденія ослабляли силу няниныхъ словъ: „Богъ накажетъ“.

Въ то же время холодность и равнодушіе семьи постепенно заражаютъ Гюнтера и подтачиваютъ его вѣру.

Наконецъ, онъ и совсѣмъ ликвидируетъ свою вѣру. Богъ теряетъ для него авторитетъ, которымъ ранѣе его пугали. И

все рушится у него, потому что пониманіе его, какое было, оказалось не поддержаннымъ наблюденіемъ. Богъ остается для прислуги. Въ девять лѣтъ Гюнтеръ, въ сущности, ликвидировалъ своего Бога.

И то, что случилось съ Гюнтеромъ, то наблюдается теперь почти во всѣхъ семьяхъ. Потому что рѣдко теперь кто учить не только словомъ, но и дѣломъ. И вотъ гдѣ причина того, что вѣра оскудѣваетъ не только среди взрослыхъ, но и среди дѣтей.

Взрослые тоже теряютъ вѣру свою оттого, что нѣтъ жизни по вѣрѣ, нѣтъ исповѣданія Бога, нѣтъ живыхъ душъ.

Это происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что люди, не видя рядомъ съ собою другого человѣка, котораго они могли бы считать своимъ единомышленникомъ, на котораго они могли бы опереться, въ концѣ концовъ приходятъ къ мысли, что они совершенно одни со своей вѣрой, что нѣтъ никого другого, кто бы вѣрилъ, какъ они. А это и ведетъ къ крушенію вѣры. Здѣсь особенно ярко проявляетъ себя опасность одиночества. Эти „заброшенные“ необходимо должны итти подъ уклонъ и прійти къ отчаянію, къ боязни вѣрить, а потомъ и окончательно потерять эту вѣру.

Человѣкъ не знаетъ, есть ли у него единомышленники, братья среди этой, какъ ему кажется, сплошь сомнѣвающейся толпы, и онъ, „вѣруя“, въ отчаяніи готовъ отказаться отъ вѣры. „Опустѣвшія“ (по выраженію Поля Фурньера) души ищутъ къ кому „прижаться“ и прижимаются къ другимъ опустѣвшимъ душамъ, зачастую невѣрующимъ, отъ которыхъ заражаются и индифферентизмомъ, и невѣріемъ, и сомнѣніями.

Что вѣра сама по себѣ, безъ ея исповѣданія и проведенія въ жизнь, вызываетъ сомнѣнія въ наличности вѣры, объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующіе примѣры.

Муррей пишетъ:

„Послѣ вѣнчанія одного приказчика, я, зная его невѣріе, звалъ его къ вѣрѣ.“

„Не говорите мнѣ объ этомъ, отвѣтилъ онъ. Я работаю въ домѣ NN. Эти господа имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ Церкви, но мы, приказчики, знаемъ, какъ они ведутъ свое торговое дѣло... Нѣтъ, я не имѣю никакого желанія сдѣлаться христіаниномъ.“

„Посмотрите вы на мнимаго благочестивца, какъ онъ копить свои миллионы и живетъ съ расточительною роскошью, въ то время, какъ бѣдные голодаютъ у порога его богатаго жилища.

„Вы скажете мнѣ, что подобные образцы христіанства не являются поводомъ къ невѣрію. Люди должны учиться различать истинность христіанства отъ жалкаго его подобія.

„Я съ этимъ согласенъ.

„Естественно, что разумный человѣкъ никогда не откажется взять не фальшивыя деньги; потому что возвращаются въ обиходъ фальшивыя. Но много существуетъ такихъ людей, которые не обладаютъ даромъ распознавать.

„Большинство не знакомо съ христіанствомъ по первоисточникамъ, а свои представленія о немъ составляетъ соотвѣтственно тому, что оно видитъ и слышитъ въ ежедневной жизни отъ тѣхъ, которые считаютъ себя христіанами.

„Если это—христіанство,—можете вы услышать отъ такихъ искателей истиннаго пути,—то я ничего не хочу отъ него“.

И они предпочитаютъ невѣріе.

Другой примѣръ.

Въ городѣ N умиралъ одинъ образованный и очень извѣстный городу богатый человѣкъ.

Онъ считался безбожникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ давно пересталъ вѣрить въ живого Бога.

Когда къ нему пришелъ священникъ, умирающій не захотѣлъ послѣдняго утѣшенія.

— Поздно!..—сказалъ онъ.—Нѣтъ во мнѣ вѣры.

— Какъ же вы пришли къ такому состоянію невѣрія?—спросилъ его священникъ.

— А объ этомъ я напишу вамъ на бумагѣ, если вы обѣщаете въ своей проповѣди огласить мое письмо.

Священникъ обѣщался.

Когда кончилось при большомъ стеченіи народа отпѣваніе, священнику, вышедшему на амвонъ для бесѣды, подали письмо, и онъ, по обѣщанію, прочиталъ его.

„Я не вѣрю,—писалъ безбожникъ,—потому что видѣлъ васъ, вѣрующихъ. Я не вѣрилъ, сомнѣвался; вы говорили о себѣ, какъ хранителей вѣры.

Но чѣмъ отличается ваша жизнь отъ моей? Вы жили, какъ и я, какъ будто у васъ не было и мысли о судѣ Божіемъ, Вы жили, какъ и я, — такъ, какъ можно жить, не думая о жизни будущей... Какъ и вездѣ, у васъ вражда. Какъ и вездѣ, нѣтъ любви.

Я и подумалъ, какое преимущество быть вѣрующимъ, если эта вѣра идетъ мимо жизни? Подумалъ еще и рѣшилъ, что и вы тоже не вѣрите. Не могутъ жить такъ люди, которые вѣрятъ въ Бога всевѣдущаго и праведнаго.

И я пересталъ вѣрить совсѣмъ, наблюдая жизнь вѣрующихъ“ ¹⁾.

Можно было бы еще и еще привести примѣровъ, но, думаемъ, и этихъ вполне достаточно. И эти примѣры наглядно показываютъ намъ, что невѣріе растетъ, а вѣра гложется потому, что въ нашей жизни нѣтъ свѣтильниковъ вѣры, нѣтъ живыхъ примѣровъ истиннаго благочестія, нѣтъ соотвѣстствія между словомъ и дѣломъ, между идеаломъ и дѣйствительностью.

* * *

Много значенія въ дѣлѣ утраты религіознаго чувства въ современномъ обществѣ имѣетъ еще такъ называемый „научный фетишизмъ“, т. е. всеобщее преклоненіе предъ наукой, признаніе ея верховнаго авторитета, вѣра въ ея могущество и непогрѣшимость, и, въ частности, довольно широко распространенное суевѣріе, будто бы наука не согласуема съ религіей, противорѣчитъ ей и даже отрицаетъ ея разумность и необходимость.

Это прекрасно понимаютъ вѣчные враги Христова ученія и потому употребляютъ всевозможныя усилія, лишь бы раздуть кажущуюся и мнимую вражду между наукой и религіей и черезъ то раздражить и привлечь къ невѣрію незрѣлые и несамостоятельные умы, податливые на лесть и падкіе на все модное, современное.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какими средствами и словами отбиваютъ у людей вѣру въ Бога.

¹⁾ Церковь. 1913 г. № 21, стр. 498.

„Религія будущаго, т. е. научное міровоззрѣніе, читаемъ въ одной изъ брошюръ „Нѣмецкаго Союза Монистовъ“, не нуждается въ Творцѣ... Старая вѣра въ Него несостоятельна; она противорѣчитъ и наукѣ, и разумному мышленію... Признать, что природа имѣла начало—немыслимо, хотя въ настоящее время нѣкоторые натурфилософы и считаютъ нужнымъ признавать его, но это—не логично... Наука и разумъ требуютъ вѣры въ вѣчность всеобъемлющей природы“¹⁾.

Въ социалистическихъ агитационныхъ брошюрахъ сплошь да рядомъ повторяютъ, что всѣ „естествоиспытатели, почти безъ исключеній,—невѣрующіе“²⁾.

Такъ, напримѣръ, въ „Азбукѣ Знанія“ Дуэ читаемъ: „наши величайшіе натуралисты—невѣрующіе... вы же, господа набожные, еще никогда не разрѣшили ни одной загадки бытія, не придвинули насъ ни на одинъ шагъ къ сущности вещей, а всегда вели насъ только къ заблужденіямъ воображенія“³⁾.

Въ другой книжкѣ, сходнаго типа, говорится: „почти безъ исключенія, всѣ естествоиспытатели и астрономы—радикально невѣрующіе: они столь же мало, какъ и мы, понимаютъ вселенную, однако единогласно заявляютъ, что въ ней нѣтъ ни мѣста, ни дѣла для Бога“⁴⁾.

Точно также въ наиболѣе распространенной англійской Ассоціаціей Рационалистической прессы вольнодумной книжкѣ Вивіана Филиппа считается „въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы нашелся хотя бы одинъ ученый или философъ, который дѣйствительно придерживался бы доктрины личнаго Бога“⁵⁾.

Англійскій переводчикъ и панегиристъ Геккеловыхъ „Міровыхъ Загадокъ“ Макъ-Кэбъ утверждаетъ, что „современные представители науки—материалисты, атеисты, агностики и противники христіанства, и по необходимости должны быть таковыми“⁶⁾.

¹⁾ Kramer-Magdeburg. Die Religion der Zukunft. Hamburg. 1908. p. 6—7.

²⁾ Foerster. Das Christenthum unserer Zeitgenossen. 4—5.

³⁾ См. В. Кожевникова: „Современное научное невѣріе. Сергіевъ Посадъ. 1912 г. стр. 40, откуда мы позаимствовали и первыя двѣ цитаты.

⁴⁾ Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 изд. Berlin 1908 г. стр. 12

⁵⁾ Tabrum. Religious Beliefs of Scientists. London. 1910 г. p. XI.

⁶⁾ idem. p. I.

„Невѣріе царитъ всюду, пишетъ Чарльзъ Уатсъ, оно заполнило наши научные центры“¹⁾.

„Ни одинъ образованный человекъ, увѣрялъ Бюхнеръ, ни одинъ даже поверхностно знакомый съ успѣхами естествознанія не можетъ вѣрить ни въ чудеса, ни въ откровеніе“...²⁾

„Теперь, восклицаетъ онъ, необходимъ новый натискъ для окончательнаго устраненія того понятія (Бога), которое стоитъ поперекъ дороги всему нашему умственному, социальному и политическому развитію, понятія, несогласимаго съ современнымъ научнымъ развитіемъ... Надо покончить съ этимъ худшимъ врагомъ всеобщаго прогресса! Невѣріе—единственный путь къ свободѣ, къ разуму, прогрессу, къ истинной человечности“! ³⁾

„Невѣріе, добавляетъ Уатсъ, наша обязанность, какъ дѣлателей прогресса“⁴⁾.

„Атеистъ, восклицала Анни Безантъ, когда еще была сотрудницей извѣстнаго вольнодумца Брэдло, — одинъ изъ самыхъ славныхъ титуловъ человечества, знакъ отличія мировыхъ героев... мучениковъ, спасителей міра. Никакая философія, никакое богословіе не несли міру ничего достойнаго быть сравниваемымъ съ благою вѣстью атеизма“⁵⁾.—„Честь же и слава заключаетъ она, этимъ передовымъ бойцамъ прогресса, этому почетному авангарду арміи Свободы! честь и слава тому, кто для исправленія земли забылъ о небѣ, тѣмъ, что, въ своемъ усердіи о человекѣ, забыли Бога“⁶⁾.

Вотъ этими и подобными рѣчами, быющими на эффектъ и разжигающими мелочное тщеславіе, смущаютъ вѣрующихъ людей, расшатываютъ ихъ религіозные устои и влекутъ на путь сомнѣній, отрицанія и полнаго индифферентизма.

Влекутъ властно, неотразимо.

„Ибо изъ всѣхъ аргументовъ, которыми теперь стараются поколебать религіозныя вѣрованія, пишетъ извѣстный геологъ

¹⁾ Ch. Watts. The Glory of Unbelief. 2.

²⁾ Der Gottesbegriff, V.

³⁾ idem. 50.

⁴⁾ Watts. 1—2, 4, 7, 12.

⁵⁾ The Gospel of Atheism. London 1882 г. 7; 3. См. эти цитаты у Кожевникова, стр. 40—42.

⁶⁾ Besant Gospel of Atheism. 7.

А. Лаппаранъ, нѣтъ ни одного, чей кредитъ былъ бы лучше обезпеченъ среди широкаго круга общества, чѣмъ утвержде- нія во имя науки. Достаточно произнести это магическое слово, чтобы пробудить почтеніе, почти соприкасающееся съ суевѣ- ріемъ, и это почтеніе становится уже совсѣмъ безграничнымъ, когда къ слову „наука“ можно добавить эпитетъ „математи- ческая“...— „Если какимъ либо возраженіемъ, продолжаетъ да- лѣе извѣстный ученый, удастся облечься или будто бы об- лечься въ эту сакраментальную формулу, большинство склонно уже считать ихъ неподлежащими оспариванію, и законы этого рода, въ умахъ вѣрующихъ въ нихъ, должны съ одинаковою силою, быть обязательными настолько же для самого всемогу- щаго Творца, насколько и для смиренѣйшаго изъ смертныхъ. Отсюда до мысли о ненужности и бесполезности этого все- могущества — всего одинъ шагъ, и многіе не колеблясь, дѣ- лають его“ ¹⁾.

Теперь отъ словъ перейдемъ къ фактамъ. Примѣрами подтвердимъ, что повсемѣстно раздающіеся голоса о невѣріи ученыхъ, о разрушающемъ дѣйствіи науки, о позорномъ оску- дѣніи вѣры,—все это пагубнымъ образомъ отражается на ре- лигіозныхъ убѣжденіяхъ вѣрующихъ людей и убиваетъ въ нихъ вѣру.

10 Сентября 1910 года одинъ духовный писатель, нашъ однофамилецъ, предпринялъ религіозную анкету. Обратившись къ людямъ, соприкасающимся съ наукой, такъ сказать, ex officio: къ г. г. членамъ академіи, преподавателямъ высшей и средней школы, а также къ г. г. курсисткамъ и студентамъ, онъ просилъ ихъ дать отвѣтъ на нижеслѣдующіе вопросы: а) вѣрите ли въ личнаго Бога; б) если нѣтъ, то въ какого; в) признаете ли божество Христа; г) какъ относитесь къ су- ществуемъ церквамъ; д) съ какого времени стали такимъ образомъ относиться къ религіи; е) причины вашей вѣры или невѣрія; ж) что думаете о значеніи религіи для современной жизни; з) какова, по вашему мнѣнію, будущность религіи“.

На эту анкету откликнулось около 800 человекъ. И боль- шинство изъ нихъ писало, что въ дѣтствѣ они были вѣрую-

¹⁾ А. Лаппаранъ: „Наука и Апологетика“. Пер. Цвѣтковой. 1911 г. Сергіевъ Посадъ. Изд. Елова. стр. 4—5.

щіе, даже глубоковѣрущіе, но, ознакомившись съ наукой, они увидали, что одно изъ двухъ: или вѣра или наука. Другіе дальше пошли, они говорили: Наука непрекаемо установила, что и выбора такого вовсе дѣлать нельзя. Наука есть отри- цаніе религіи. Религія есть плодъ невѣжества, недомыслия и умственного убожества.

Вотъ, на примѣръ, что пишетъ по вопросу объ оскудѣніи вѣры одинъ студентъ—юристъ московскаго университета:

„Невѣріе мое основывается на томъ, что Богъ съ наукой не уживается. Подъ вліяніемъ науки я вижу, что старый лич- ный Богъ, выражаясь словами Штрауса, остался безъ мѣста и пристанища. Я вижу, какъ подъ натискомъ науки, Богъ принужденъ былъ сдавать одну позицію за другой, какъ Его защитники принуждены были пускаться на всевозможныя штуки, чтобы спасти расплывающееся по всѣмъ швамъ дѣло“ ¹⁾.

Далѣе инициаторъ анкеты, по поводу присланныхъ ему писемъ, замѣчаетъ:

„Въ особенности естествознаніе подорвало вѣру у мно- гихъ. Въ частности, нужно отмѣтить вліяніе натуръ-философіи Геккеля и, какъ это можетъ быть, не странно, — астрономіи. Изъ гуманитарныхъ наукъ необходимо отмѣтить вліяніе поли- тической экономіи и сравнительной исторіи религіи. Чрезвы- чайно важно еще и вліяніе философіи (особенно философіи Вундта), хотя она приводила и къ вѣрѣ. Въ частности, кан- тіанство, эмпириокритицизмъ и матеріализмъ оказываютъ силь- ное вліяніе на умы. И т. д.“ ²⁾

Итакъ, мало по-малу выясняется, что громадное значеніе въ пониженіи уровня религіознаго чувства въ современномъ обществѣ имѣетъ гордая своими успѣхами наука и верховные ея жрецы.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли наука враждебна религіи и противорѣчитъ ей въ основныхъ, такъ сказать кар- динальныхъ пунктахъ? Дѣйствительно ли ученые совсѣмъ без- религіозны и смѣются надъ дѣтской вѣрой всѣхъ христіанъ, любящихъ Бога своего? И правда ли тому, будто религія до-

¹⁾ „Странникъ“. 1911 г. Май. стр. 673.

²⁾ „Странникъ“. 1911 г. Май. стр. 674.

живаешь свои послѣдніе дни и сдаетъ наукѣ одну за другой свои боевыя позиціи?

О, нѣтъ! Ничего подобнаго! Ни слова правды! Наука и не думала враждовать съ религіей. По существу своихъ задачъ она даже и цѣлью такой задаваться не могла. Потому что задачи науки одни, а задачи религіи совершенно другія. Наука опредѣляетъ вѣчные неизбѣжные законы, по которымъ течетъ міровая жизнь. Открываетъ и подчиняетъ человѣческому разуму все новыя и новыя силы природы, устанавливаетъ степень внѣшней, физической зависимости человѣка отъ окружающей его среды. Короче говоря, наука задается цѣлью дать возможно полный отвѣтъ на вопросъ: *какъ міръ живетъ?* У религіи же другая задача. Она отвѣчаетъ на вопросъ: *какъ человеку въ мірѣ жить?* въ какія отношенія онъ долженъ стать къ міру и къ Тому, Кто выше міра?

При такомъ пониманіи задачъ религіи и науки и при разграниченіи сферъ ихъ дѣятельности не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ противорѣчій между ними. Это прекрасно сознаютъ и сами ученые и потому въ послѣднее время все чаще и чаще, все громче и настойчивѣе слышатся изъ ихъ устъ такія признанія:

„Слава науки—въ ея прогрессѣ, въ томъ, что она мѣняется, что она постоянно пересоздается, непрерывно требуетъ переисслѣдованія... Наука имѣетъ дѣло съ фактами временнаго характера, религія же съ вѣчной истиной. Ибо объектъ науки—вещи мѣняющіяся и самые процессы измѣненія, такъ что и сама она есть мѣняющаяся человѣческая мысль о нихъ. Религія же, наоборотъ, занята вѣчнымъ и доступнымъ для всѣхъ, не исключая неимущихъ, невѣжественныхъ и несовершеннѣйшихъ“¹⁾.

Такъ говоритъ членъ королевскаго Астрономическаго Общества д-ръ Маундеръ. И съ нимъ вполне согласны: Токийскій проф. Юнгъ, проф. Оксфордскаго Университета геологъ В. Солласъ, проф. Дублинскаго Университета Вилльямъ Е. Трифтъ и мн. др.²⁾.

¹⁾ См. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“ М. 1912 г., 2-е изд. стр. 119.

²⁾ См. тамъ же.

Итакъ, еще разъ повторяемъ: наука ничего общаго съ религіей не имѣетъ и потому бороться съ нею не входитъ въ ея задачу.

Теперь другой вопросъ: правда ли, будто ученые, профессора и всѣ вообще люди великаго ума и большихъ знаній не религіозны?

Тоже не правда. Доказательства тому въ изобиліи собраны въ работахъ Кнеллера: „Христіанство и представители новѣйшаго естествознанія“, Деннерта: „Религія естествоиспытателей“, Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“, В. Кожевникова: „Современное научное невѣріе“.

Мы приведемъ здѣсь чистосердечныя признанія нѣкоторыхъ ученыхъ, чтобы видѣть, какъ не правы тѣ, кто думаетъ, пишетъ, учитъ и говоритъ, будто жрецы науки безрелигіозны.

Выдающийся натуралистъ XX вѣка, Вилльямъ Джонъ Голландъ, докторъ наукъ, философіи и правъ, авторъ не менѣе 225 ученыхъ работъ писалъ Табруму, производившему религіозную анкету среди англійскихъ ученыхъ:

„На мою долю выпало счастье имѣть широкое знакомство съ учеными всѣхъ странъ, и мнѣ хорошо извѣстно, что огромное большинство моихъ знакомыхъ научнаго круга—люди благоговѣйные и благочестивые, не усматривающіе въ фактахъ науки ничего сталкивающегося съ ихъ вѣрою въ наличность Высшей Силы, ведущей насъ къ праведности, Силы, въ которой мы живемъ, движемся и существуемъ... Толки о конфликтѣ между наукой и религіей—пустая болтовня. Когда чѣмъ передается подобной болтовнѣ, я увѣренъ—онъ или не понимаетъ, что такое наука, или же лишенъ пониманія основныхъ ученій истинной религіи“.¹⁾

Другой выдающийся ученый, Джорджъ Стоксъ, котораго Гёксли, лордъ Кельвинъ и Гладстонъ называли „Ньютономъ нашего времени, царившимъ полноправно надъ всею областью современнаго естествознанія“, писалъ Табруму:

„Что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библии и религіи, то на это я, не колеблясь ни минуты, отвѣчаю: „этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ

¹⁾ Тамъ же стр. 146.

выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи... Истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ... Что же касается другого вопроса: далъ ли мнѣ жизненный опытъ основаніе считать величайшихъ ученыхъ людьми иррелигіозными? — то отвѣчаю: мой опытъ не только не привелъ меня къ этому выводу, но онъ привелъ меня какъ разъ къ обратному заключенію. Ограничиваясь одной близкой мнѣ областью математической и физической науки и только тѣми людьми, которыхъ, хотя и недавно, уже не стало въ живыхъ, я не могъ бы указать на болѣе выдающихся, всѣмъ міромъ прославленныхъ ученыхъ, чѣмъ Фарадей, К. Максвеллъ и Адамсъ, открывшій Нептуна. Всѣхъ троихъ я зналъ отлично, въ особенности же Максвелла и Адамса, съ которыми былъ очень близокъ. Мнѣ положительно извѣстно, что всѣ они были глубоко религіозными христіанами". ¹⁾

Проф. Э. Дж. Джемсъ, д-ръ философіи, ректоръ университета штата Илинойса пишетъ:

„Могу сказать, что мнѣ не приходилось встрѣчать ученыхъ нерелигіозныхъ или враждебныхъ христіанству. Я состою ректоромъ правительственного университета, насчитывающаго до 5 тысячъ студентовъ и около 500 человекъ членовъ ученаго и преподавательскаго персонала. Въ этомъ учрежденіи мы не предъявляемъ никакихъ религіозныхъ требованій ни къ членамъ факультета, ни къ студентамъ. Мы не имѣемъ и официальныхъ освѣдомленій о религіозномъ и нерелигіозномъ настроеніи студентовъ или профессоровъ. Но я съ полною достовѣрностью могу сказать, что рѣшительное большинство членовъ факультета состоитъ членами христіанскихъ церквей и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разнообразной церковной работѣ". ²⁾

И такихъ свидѣтельствъ можно привести изъ вышепоименованныхъ книгъ свыше сотни. И всѣ они весьма краснорѣчиво и убѣдительно говорятъ о томъ, что между религіей и наукой никакого конфликта на самомъ дѣлѣ нѣтъ и что всѣ толки и слухи о повальномъ невѣріи ученыхъ и профессоровъ — сплошная ложь.

¹⁾ Тамъ же, стр. 8—10.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

Пора, давнымъ давно пора проникнуться сознаниемъ, что истинно просвѣщенный разумъ не врагъ вѣры, а ея опора и свѣтильникъ!

Вѣру въ Бога можетъ отрицать только поверхностное образованіе, которое лишь пригубило съ края чашу знанія и самоувѣренно полагаетъ, что ему все ясно, все доступно, все вѣдомо. Истинное же просвѣщеніе, которое основано на познаніи тайнъ неба и земли, на уясненіи законовъ природы, неизбежно приводитъ человѣка къ Богу. Изученіе необъятной книги Божьей, имя которой—вселенная, заставляетъ величайшихъ ученыхъ въ каждой страницѣ, въ каждой строкѣ этой книги, въ движеніи небесныхъ міровъ и въ жизни самой ничтожной букашки видѣть ясно начертанное имя Творца.

Пусть же лживые слухи о невѣріи ученыхъ перестанутъ смущать и волновать современное общество. Пусть всѣ, легко принимающіе ихъ за истину, тщательно провѣрятъ ихъ и воочію убѣдятся въ томъ, что они ложны, что ученые въ громадномъ большинствѣ вѣрующіе люди, и что изъ за пустыхъ, непровѣренныхъ слуховъ смѣшно и грѣшно терять свою вѣру въ Бога!

Итакъ, еще разъ повторяемъ, если вѣра наша оскудѣваетъ „въ родѣ семъ грѣшномъ“, то причина сего кроется не въ слабости, не въ безжизненности самой вѣры, какъ утверждаютъ теперь иные, а въ нашемъ легкомысліи и невѣжествѣ.

* * *

Мы отмѣтили только самыя главные, основныя, такъ сказать кардинальныя причины, въ рамки которыхъ легко укладывается масса другихъ, мелкихъ, не заслуживающихъ нашего вниманія причинъ, такъ или иначе, въ той или иной степени влияющихъ на пониженіе уровня религіознаго сознанія въ современномъ обществѣ.

Сихъ послѣднихъ мы не будемъ касаться здѣсь. Главнымъ образомъ потому, что они имѣютъ второстепенное значеніе и непосредственно вытекаютъ изъ вышеуказанныхъ и нами обслѣдованныхъ причинъ.

Теперь пора подвести итогъ всему.

Вѣра оскудѣваетъ. Да. Но оскудѣваетъ не потому, что ей пришло время тлѣть, а наукѣ цвѣсти. А потому, что люди недобросовѣстно и легкомысленно относятся къ вопросамъ вѣры; потому, что не заботятся о развитіи въ себѣ религіознаго чувства; потому, что не видятъ кругомъ себя свѣтильниковъ вѣры, и наконецъ, потому, что они возгородились величіемъ ими самими созданной науки, обоготворили ее, чтутъ и вѣрятъ только ея жрецамъ и презираютъ, ненавидятъ жрецовъ единого, истиннаго и вѣчнаго Бога, который создалъ и міръ, и человѣка, и науку о нихъ.

Воскресеніе Христово,

какъ торжество вѣры, правды, смысла жизни, прогресса
и безсмертія.

Когда настаетъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, вся Русь оживаетъ, воскресаетъ духомъ. Настроеніе у всѣхъ бодрое, веселое. Всѣ радуются, торжествуютъ, сияютъ отъ счастья, наперерывъ поздравляютъ другъ друга. Нѣтъ ни вражды, ни ненависти, не слышно ни убійствъ, ни другихъ жестокихъ проявленій злой человѣческой воли. Въ этотъ великій день все забывается: и обиды, и оскорбленія, и ненависть и вражда. Душа какъ бы обновляется въ своемъ существѣ, черствое сердце какъ бы смягчается подъ звуками побѣдной христіанской пѣсни, спавшая годами совѣсть какъ бы пробуждается отъ сильнаго и радостнаго звона пасхальныхъ колоколовъ. Такъ свѣтло, такъ хорошо становится на душѣ; хочется жить, всѣхъ любить, крѣпко вѣрить и молиться.

Да, великія и святыя эти минуты!

Вотъ только смущаютъ „совопросники вѣка сего“, огромная рать такъ называемыхъ рационалистовъ, которые, какъ „сердцемъ хладныя скопцы“, стоятъ вдали отъ общецерковнаго торжества и не могутъ слиться съ нами въ одномъ свѣтломъ радостномъ чувствѣ. Напротивъ, они стараются ослабить нашъ религіозный порывъ, охладить наше восторженное чувство, омрачить сомнѣніями радость Воскресенія Христова. Своими возраженіями, своими критическими замѣчаніями они стараются и въ нашей душѣ заронить искру сомнѣнія и толкнуть насъ на путь отрицанія, на путь не созидательной, а разрушительной работы.

Посмотримъ, какъ сильно укрѣплены ихъ боевыя позиціи, какъ твердо стоятъ они на полѣ сраженія, насколько основательны и убѣдительны приводимые ими аргументы. Посмотримъ, смогутъ ли они сломить нашу вѣру въ воскресшаго Христа, смогутъ ли убѣдить насъ въ правотѣ своихъ сомнѣній и отрицаній и тѣмъ самымъ омрачить радость нашего религіознаго торжества?

Одни говорятъ:

Нельзя понимать Воскресенія Христова въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимаете вы. Такое пониманіе должно предполагать собою смерть. Между тѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что Іисусъ Христосъ на крестѣ не умеръ. Онъ только впалъ въ глубокій обморокъ, отъ котораго потомъ очнулся въ прохладной пещерѣ. Что такіе случаи вполнѣ возможны были среди казенныхъ и распятыхъ на крестѣ, въ этомъ убѣждаетъ насъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій. Онъ говоритъ, что возвращаясь однажды съ похода, онъ замѣтилъ среди многихъ распятыхъ евреевъ трехъ своихъ близкихъ друзей, которыхъ снялъ съ креста и даровалъ одному изъ нихъ жизнь, не смотря на то, что тотъ довольно долго висѣлъ на крестѣ. Если возможно было вернуть къ жизни человѣка, довольно долго висѣвшаго на крестѣ, то неужели же Христосъ, бывшій на крестѣ, всего какой-нибудь день, не могъ очнуться въ свободной прохладной пещерѣ? Конечно могъ.

Мы не раздѣляемъ такого рода мыслей. Мы не можемъ принять теоріи мнимой смерти Христа. Несостоятельность ея очевидна сама собою и бросается въ глаза не только намъ, людямъ вѣры, но даже противникамъ христіанства.

Давидъ Штраусъ, напримѣръ, насмѣшливо доказываетъ несостоятельность вышеупомянутой гипотезы слѣдующимъ разсужденіемъ: „если изъ трехъ распятыхъ, подававшихъ еще кое-какія признаки жизни, удалось Іосифу Флавію, при самомъ тщательномъ уходѣ за нимъ, спасти лишь одного, то мало вѣроятно, чтобы очнулся и ожилъ безъ ухода за нимъ одинъ, не подававшій никакихъ признаковъ жизни“. А Христосъ дѣйствительно не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Напротивъ, по нѣкоторымъ даннымъ можно было догадываться даже о его смерти. Такъ, изъ прободеннаго ребра потекла кровь и вода. Кровь же въ соединеніи съ водою течетъ изъ ранъ только мертвaго человѣка, а не живого. Затѣмъ, „человѣкъ съ пробитыми ногами, пишетъ профессоръ, докторъ мед. А. Шилтовъ („Мысли о Богочеловѣкѣ“), не только не могъ бы пройти на третій день три версты въ Эммаусъ, но съ медицинской точки зрѣнія не могъ бы стоять на ногахъ раньше мѣсяца послѣ снятія его со креста ¹⁾.“ Наконецъ, какъ спра-

¹⁾ Проф. Шилтовъ: „Гдѣ и какъ надо искать живого Бога? Харьковъ. 1910 г. стр. 24.

ведливо замѣчаютъ сами рационалисты, „несчастный страдалецъ, полуживой, съ трудомъ выползшій изъ гробницы, нуждающійся нѣ самымъ внимательномъ уходѣ, и затѣмъ все таки скончавшійся, не могъ бы произвести на учениковъ впечатлѣнія торжествующаго побѣдителя надъ смертью и могилою“.

Ну, хорошо. На время мы допустимъ, что Христосъ не умиралъ, что Онъ только впалъ въ глубокій обморокъ, отъ котораго послѣ очнулся въ холодной пещерѣ. Въ такомъ случаѣ Христосъ, какъ чистая и святая душа, долженъ былъ бы разсѣять ходячіе предразсудки, пріостановить учениковъ въ распространеніи подобнаго рода слуховъ, разъяснить впавшимъ въ заблужденіе происшедшее недоразумѣніе, сказать въ слухъ всѣхъ людей того времени, что Онъ не воскресъ, а только лишь очнулся отъ глубокаго обморока. Однако ничего этого Христосъ не сдѣлалъ. Напротивъ, Онъ благословилъ апостоловъ на проповѣдь о воскресшемъ Христѣ. Значитъ, Онъ дѣйствительно воскресъ. Въ противномъ же случаѣ Онъ никогда не посмѣлъ бы прибѣгать для увеличенія своей славы къ нечистоплотнымъ пріемамъ. Это было не въ Его духѣ. Противъ этого всегда горячо протестовала его чистая и святая душа.

Нѣтъ, раздающіеся голоса о мнимой смерти Спасителя на крестѣ не могутъ насъ смутить. Мы видимъ всю неосновательность, всю лживость подобнаго рода рѣчей. Мы твердо знаемъ, мы право вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ умеръ на крестѣ.

Слышны другіе голоса:

Да, Христосъ умеръ на крестѣ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но можно думать, что Онъ не воскресъ, но что вскорѣ послѣ Его Смерти похитили тѣло Его и затѣмъ были распущены ложные слухи объ Его воскресеніи. Вѣдь не даромъ первосвященники заботились о распространеніи такихъ слуховъ (Матѣ. 28 гл. 13—15 ст.).

Но кто же могъ похитить тѣло Спасителя Христа? Книжники? Первосвященники? Фарисеи? Не можетъ быть, потому что при первомъ извѣстіи о мнимомъ воскресеніи Христа, они, какъ заинтересованные въ подавленіи подобнаго рода слуховъ, показали бы всѣмъ его трупъ и этимъ, безспорно, положили бы конецъ всякимъ толкамъ, всякимъ слухамъ и предположеніямъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изъ Евангеліи Матѣя

видно, что первосвященники и книжники даже боялись подорвать на свой счет въ этомъ дѣлѣ.

„И сіи, собравшись со старѣйшинами и сдѣлавши совѣщаніе, говорится въ Евангеліи, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и если слухъ объ этомъ дойдетъ до правителя, мы убѣдимъ его и васъ отъ неприятели избавимъ“ (23 гл. 12—14.). Если же первосвященники не только не были заинтересованы въ разглашеніи подобной вѣсти о Христѣ, но даже сильно опасались ея, то ясно, что они взяли тѣла Христа не могли.

Можетъ быть воины римской стражи похитили Спасителя? Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Они, прежде всего, совсѣмъ не были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. А затѣмъ, при той желѣзной дисциплинѣ, какая царила въ римскомъ войскѣ, при той страшной отвѣтственности, какой подвергались воины въ данномъ случаѣ, они никогда бы не рѣшились на столь опасное и рискованное предпріятіе.

Остается, слѣдовательно, признать, что сами ученики Христа похитили тѣло своего Учителя и потомъ распространили слухъ о Его Воскресеніи.

Но если этого не могли сдѣлать ни книжники, ни первосвященники, ни воины, то апостолы тѣмъ болѣе и не могли отважиться на это. Люди, объятые страхомъ и ужасомъ, трусливо скрывшіеся изъ Геосиманіи, ни въ какомъ случаѣ не могли черезъ нѣсколько часовъ, среди ночи, на глазахъ римской стражи, проникнуть въ глубь пещеры, и похитить пречистое Тѣло Христа Спасителя, да еще находясь въ состояніи душевнаго и тѣлеснаго изнеможенія.

Далѣе, за проповѣдь о воскресеніи Христа апостоловъ преслѣдовали, мучили, сжигали на кострахъ, распинали на крестахъ. Спрашивается, какой же былъ для учениковъ расчетъ прибѣгать къ такому гнусному обману? Затѣмъ, какъ эта ложь могла продержаться? „Поневолю спрашиваешь себя, говоритъ баронъ Николаи,¹⁾ неужели эти простодушные рыбаки могли быть такими превосходными актерами, чтобы съ величайшимъ апломбомъ

¹⁾ „Можетъ ли современный, образованный, мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество І. Христа“ стр. 41. СПб. 1909 г.

провозгласить завѣдомую ложь и затѣмъ до самаго конца своей жизни ни разу не выходить изъ своей роли? Неужели ни одинъ изъ нихъ не протестовалъ бы противъ такого обмана? Нѣтъ, ложь рано или поздно обнаружится и такой грубый обманъ не могъ бы долго оставаться скрытымъ“.

Допустимъ на время, что апостолы дѣйствительно распространяли ложные слухи о воскресеніи Христа. Какъ же, спрашивается, имъ могли вѣрить? Какъ этому повѣрили мать Христа и Его братья? Послѣдніе при жизни Его не вѣрили въ Него. Неужели теперь ложь убѣдила ихъ (Дѣян. ап. I гл. 14 ст.)? Какъ еще могъ повѣрить этой лжи такой умный, самостоятельный мыслитель, какъ апостолъ Павелъ и многіе другіе? Совсѣмъ непонятно. Наконецъ, подобнаго рода предположеніе можно было бы допустить только въ томъ случаѣ, когда бы апостолы ожидали воскресенія своего Учителя. Но въ томъ то и дѣло, что они о воскресеніи Христа даже и не помышляли. Проф. В. Несмѣловъ¹⁾ говоритъ, что „когда Христосъ ходилъ съ ними до своего страданія и предвозвѣщалъ имъ о своемъ предстоящемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, ученики недоумѣвали и даже не понимали значенія этого слова (Марк. 9 гл. 10; 31, 32 ст.)“. Неужели же они на третій день послѣ смерти Христа прибѣгали къ такой безсовѣстной, непонятной и невѣроятной для еврея выдумкѣ о воскресеніи Спасителя съ расчетомъ, что имъ повѣрятъ? Такъ или иначе, но въ томъ и въ другомъ случаѣ придется допустить мысль, что нѣкоторые изъ учениковъ были сознательными лжецами и обманщиками.

А эта мысль совершенно ложная. Ее никто не раздѣляетъ. Къ ней всѣ относятся съ большимъ недоумѣніемъ.

Если даже допустимъ, что ученики и апостолы похитили останки своего Учителя, то можно съ увѣренностью сказать, что такой ихъ планъ оказался бы вполнѣ безплоднымъ.

Міръ не можетъ быть обращенъ въ новую вѣру подобными обманами и фокусами, продѣланными къ тому же такими людьми. Чтобы убѣдить другихъ, надо чтобы проповѣдникъ прежде всего самъ былъ бы глубоко убѣжденъ въ истинности проповѣдуемой имъ идеи. Если же въ немъ самомъ нѣтъ этого

¹⁾ Наука о человѣкѣ т. 2-й. Казань. Изд. 2-е 1906 г. стр. 1—19.

убѣжденія, то другихъ увлечь за собою онъ никогда не сможетъ.¹⁾

Итакъ, и эти разсужденія нашихъ религіозныхъ противниковъ нисколько не колеблютъ нашей вѣры въ воскресшаго Христа. Какъ прежде, такъ и теперь мы твердо, ничуть не сомнѣваясь, можемъ сказать каждому встрѣчному: Христосъ воскрес! и въ отвѣтъ на это привѣтствіе услышать такое же радостное, полное вѣры и надежды: „Воистину воскресе!“

Третье возраженіе. Оно самое распространенное и, нужно замѣтить, самое ложное. Разсмотримъ и его, чтобы вѣра наша не смущалась подъ напоромъ современныхъ рационалистическихъ идей и стояла всегда твердо, незыблемо.

Говорятъ: Иисусъ Христосъ умеръ и не воскресъ. Но нѣкоторые ученики Его, „благодаря своему возбужденному состоянію“, увидѣли призракъ Христа и вообразили, что видѣли самого Учителя. Съ тѣхъ поръ пошли слухи о воскресеніи Христа. Иные же писатели, какъ напримѣръ Ренанъ, придаютъ больше значеніе „истеричной“ природѣ Маріи Магдалины, высказывая предположеніе, что легенда о воскресеніи исходитъ отъ нея.

Разберемъ по частямъ это возраженіе.

„Благодаря своему возбужденному состоянію“... Но вѣдь апостолы совсѣмъ не были въ возбужденномъ состояніи. Напротивъ, послѣ погребенія Христа Спасителя они находились въ подавленномъ состояніи, были убиты горемъ и ожидали чего угодно, только не воскресенія своего любимаго Учителя. Спрашивается, чѣмъ же объяснить такую перемѣну отъ глубочайшей горести къ радости и увѣренности, которая не покидала ихъ до самой смерти, передавалась тысячамъ другихъ лицъ и подкрѣпляла ихъ въ страданіяхъ и мученической смерти. Неужели однимъ призракомъ?—Быть не можетъ.

„Апостолы и ученики Христа были слабонервные, истеричны“... Напротивъ, это были коренастые, здоровые, здравомыслящіе рыбаки, которые не были расположены ни къ нервному разстройству, ни къ тому, чтобы повѣрить видѣніямъ другихъ людей.

¹⁾ Nobody: „Древнія вѣрованія и новое знаніе“. СПб. 1909 г. стр. 161.

„Они видѣли призракъ Христа“... посмотримъ. Въ евангеліи читаемъ: „Христосъ явился ученикамъ своимъ и сказалъ: посмотрите на руки Мои и на ноги Мои: это Я самъ; осяжите Меня и рассмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня. И сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали ему часть печеной рыбы и сотроваго меда. И взявъ, ѣлъ предъ ними“. (Лук. 24 гл. 39 — 43 ст.) Развѣ духъ можетъ ѣсть и пить? Развѣ привидѣніе можно осязать руками? Конечно нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе. Оно самое слабое изъ всѣхъ до сихъ поръ разбиравшихся возраженій. Тѣмъ не менѣе и его подвергнемъ критической оцѣнкѣ, чтобы у насъ не возникало никакихъ сомнѣній и недоумѣній насчетъ основной христіанской истины.

Говорятъ, что въ воскресеніи Христа было только воскресеніе его души, а тѣлеснаго воскресенія вовсе не было.

Но вѣдь это абсурдъ. Евангеліе говоритъ о воскресеніи тѣла, а не духа. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, душа наша и при смерти и при убійствѣ тѣла не умираетъ; слѣдовательно, о воскресеніи духомъ и рѣчи не можетъ быть. Душа не воскресаетъ, потому что она не умираетъ.

И потому, если Христосъ воскресъ, то плотію только.

Остается послѣднее возраженіе.

Гордость современныхъ нѣмецкихъ богослововъ и крупный авторитетъ церковно-исторической науки А. Гарнакъ такъ объясняетъ фактъ воскресенія Христа.

„Пустого гроба не было. Нѣсколько женщинъ и учениковъ заглянули во гробъ и ошибочно подумали, что онъ пустъ. Хотя никто хорошенько не видѣлъ, чтобы тѣло Христа сдвинулось съ мѣста своего успокоенія. Эта ошибка естественно повела къ вѣрѣ, что Иисусъ Христосъ воскресъ, и эта вѣра стала вскорѣ проявляться въ видѣніяхъ, которые въ свою очередь воздѣйствовали на вѣру, дѣлая ее все болѣе сильной и несомнѣнной и давая ей кажущееся обоснованіе. Отсюда о пустотѣ гроба постепенно забывали ученики, да она и потеряла для нихъ свое значеніе: важнѣе всего для нихъ, и особенно для ап. Павла, было не состояніе, въ которомъ найдены былъ гробъ, а „явленія“ Христа.

Т. е. сущность теории Гарнака¹⁾ может быть выражена в следующих словах. Несколько женщин увидели пустой гроб. Ръшили, что Христосъ воскресъ, рассказали о чудѣ и потомъ не догадались и не сочли нужнымъ еще разъ прійти къ опустѣвшему гробу.

Но и эта модная теорія не сможетъ поколебать нашей вѣры въ воскресеніе Христа. Слишкомъ ужъ она проста, груба и ошибочна.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что Симонъ Петръ „вошелъ во гробъ“, и самъ онъ послѣ „вошелъ во гробъ“, но никого и ничего кромѣ плата не было тамъ.

Какъ же послѣ этого можно говорить, что „нѣсколько женщинъ и учениковъ заглянули во гробъ и ошибочно подумали, что Онъ пустъ?“

Вѣдь такого рода рѣчи и разсужденія идутъ противъ показаній главныхъ очевидцевъ.

Нѣтъ, такими натяжками насъ не смутятъ. Воскресъ, воскресъ Христосъ! Воистину воскресъ!

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны признать, что ни обманъ, ни самообманъ учениковъ никогда не могъ привести къ такимъ дивнымъ и долговѣчнымъ послѣдствіямъ. По неволѣ приходишь къ выводу, что такъ называемые естественныя объясненія факта воскресенія Христа требуютъ больше вѣры, чѣмъ евангельское изложеніе этого событія.

Братъ христіанинъ! Ты видишь, что истина воскресенія Христа стоитъ твердо, незыблемо, посему не смущайся огромной толпой совопросниковъ вѣка сего, вѣруй твердо, и всѣмъ встрѣчающимъ тебя въ эти великіе и святыя дни говори твердо и убѣжденно: „Христосъ Воскресъ!“

* * *

Доселѣ мы говорили, что враги нашей вѣры заблуждаются, что всѣ ихъ объясненія ложны, натянуты, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и т. д.

¹⁾ См. статью еп. Михаила: „Свидѣтели воскресенія“, ж. „Церковь“ 1909 г. стр. 434, № 13.

Ну, а мы сами не ошибаемся ли мы? Каково оправданіе нашей вѣры? Какова проба всѣхъ нашихъ доказательствъ воскресенія Іисуса Христа? Другими словами: почему мы думаемъ и вѣримъ, что Христосъ воскресъ?

А вотъ почему.

Прежде всего, Самъ Спаситель говорилъ о своемъ воскресеніи. Говорилъ не одинъ разъ, а нѣсколько разъ. Говорилъ не прикровенно, не притчами, а прямо, ясно, вразумительно.

Такъ, во время пребыванія въ Галилеѣ, Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки челоуѣковъ, и убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ“. ¹⁾

Послѣ исповѣданія Петра Іисусъ Христосъ „началъ открывать ученикамъ своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убитымъ и въ третій день воскреснуть.“ ²⁾

Послѣ Преображенія, „когда ученики сходили съ горы, Іисусъ запретилъ имъ, говоря: „никому не сказывайте о семъ видѣніи, доколѣ Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ“. ³⁾

Объ этихъ словахъ напоминали ученикамъ и ангелы, когда явившись имъ по воскресеніи Христа, сказали: Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ; вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеѣ, сказывая, что Сыну челоуѣческому надлежитъ быть предану въ руки челоуѣковъ грѣшниковъ, и быть распяту и въ третій день воскреснуть“... ⁴⁾

Итакъ, Христосъ неоднократно говорилъ о Своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ. Какъ же не довѣрять Ему? Какое мы имѣемъ право подвергать сомнѣнію Его пречистыя слова? Развѣ Онъ когда нибудь неправду говорилъ? Развѣ обѣтованія Его не сбылись? Пророчества не исполнились? Развѣ не оправдалъ Онъ когда-нибудь своихъ словъ?

Ничего подобнаго. Напротивъ, свершилось все, глаголан-

¹⁾ Мате. 17 гл. 22—23 ст.

²⁾ Мате. 16 гл. 21 ст. Лук. 9 гл. 22 ст. Марк. 9 гл. 31 ст.

³⁾ Мате. 17 гл. 9 ст.

⁴⁾ Лук. 24 гл. 6—7 ст.

ное Имъ. Ни одна буква, ни одна іота не остались неоправданными на дѣлѣ.

Значитъ, мы не въ правѣ сомнѣваться и въ данномъ случаѣ. Мы должны вѣрить, что Христосъ воскресъ, ибо Онъ объ этомъ говорилъ, а слова Его всегда исполнялись.

Далѣе, мы вѣруемъ въ воскресеніе Христа потому, что послѣ дѣйствительной смерти Его видѣли воскресшимъ. Видѣли нѣсколько сотъ учениковъ, видѣли жены-мироносицы, видѣли сомнѣвавшійся въ Его воскресеніи, а послѣ встрѣчи со Христомъ увѣровавшій апостолъ Ѳома, видѣли многіе другіе. Видѣли и свидѣтельствовали. Какъ же намъ не внять ихъ благовѣстію? Какъ не повѣрить имъ, когда все заставляетъ насъ вѣрить? И преданія, и писанія и плоды воскресенія?

Напримѣръ, безъ факта воскресенія не имѣлъ бы достаточнаго основанія необычайный энтузіазмъ апостольской общины, и вообще вся первоначальная исторія христіанства представляла бы собою рядъ невозможностей. Воскресеніе Христово, говоритъ Пфеннигсдорфъ¹⁾ образуетъ исходный пунктъ для новой жизни въ сердцахъ учениковъ. Оно превращаетъ ихъ печаль въ необычайную радость. Павшимъ духомъ внушаетъ мужественную рѣшимость и изъ бѣдныхъ рыбаей дѣлаетъ міровыхъ учителей и проповѣдниковъ. Ни одинъ фактъ не оставилъ столь глубокихъ слѣдовъ въ исторіи, какъ этотъ. Безъ него мы не имѣли бы никакого христіанства и никакой христіанской культуры. Исторія запада приняла бы совершенно другое направленіе. Безъ живыхъ силъ христіанской вѣры древній міръ разложился бы и безъ дисциплины церкви христіанско-германское образованіе никогда не было бы возможно. Мы не можемъ вѣрить, чтобы мнимое воскресеніе могло принести съ собою столь великое и доброе. Вѣра въ Божественное управленіе требуетъ того, чтобы воскресеніе Христа не было чѣмъ либо кажущимся только, но было истиною. Міровая исторія иначе не была бы болѣе судомъ надъ міромъ.

Затѣмъ, безъ воскресенія Христова немыслимо объяснить того перелома, какой произошелъ въ душѣ апостоловъ. Въдъ апостолы и ученики Христа до послѣдняго момента не знали,

¹⁾ „Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“ Пер. Никитскаго. Харьковъ. 1907 г. стр. 297.

зачѣмъ приходилъ Божественный Учитель, не понимали Его ученія, предостерегали Его отъ ожидающихъ Его страданій. И всѣ слова Христа истолковывали въ земномъ, матеріальномъ смыслѣ. Даже предъ самыми Своими страданіями, когда Господь заговорилъ о томъ, что Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его, и будутъ бить Его, и убьютъ Его, то ученикамъ, говорится въ евангеліи, трудно было отказать отъ своей мысли о земной славѣ Христа, и потому они ничего не поняли изъ сказаннаго.¹⁾ И вдругъ черезъ какіе-нибудь три дня, не болѣе, они все поняли, все уразумѣли, постигли ученіе Христа такъ глубоко, какъ можетъ быть никому изъ нашихъ современниковъ не удавалось такъ постичь. Стоитъ только отвергнуть воскресеніе Христово и этотъ переломъ будетъ совершено непонятенъ и необъяснимъ. Съ признаніемъ же этого чудеснаго факта все для насъ будетъ просто, ясно и доступно.

Наконецъ, психологическія данныя требуютъ и оправдываютъ это чудо изъ чудесъ.

Хорошо объ этомъ говоритъ Вл. Соловьевъ.

Смерть, по его мысли, есть распадъ тѣла въ результатъ того, что слабый, мертвый духъ не можетъ поддержать распадающуюся связь элементовъ организма.

Но если взять сильный духъ, управляющій всецѣло тѣломъ то распадъ будетъ невозможенъ. Живая сила духа, который въ сущности и творитъ самое тѣло, будетъ вѣчно обновлять жизненные ткани.

Потому и смерть Іисуса Христа невозможна.

Онъ не могъ не воскреснуть.

Если сила физическая неизбежно побѣждается смертью, если умственная недостаточна, чтобы побѣдить смерть, то безпредѣльность нравственной силы даетъ жизни абсолютную полноту, исключаетъ всякое раздвоеніе и, слѣдовательно, не допускаетъ окончательнаго распадѣнія живого человѣка на двѣ отдѣльныя части: безплотный духъ и разлагающееся вещество. Распятый Сынъ Человѣческій не имѣлъ предѣловъ для своей

¹⁾ Лук. 18 гл. 31—34 ст.

духовной силы и никакая часть Его существа не могла остаться добычею смерти“.

— „Я лично, заключаетъ Вл. Соловьевъ, съ тѣхъ поръ, какъ признаю, что исторія міра и человѣчества имѣетъ смыслъ, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ воскресеніи Христа, и всѣ возраженія противъ этой истины своею слабостью только подтверждаютъ мою вѣру“... ¹⁾

То же самое можетъ сказать и всякій христіанинъ, вѣрующій въ воскресеніе Христа. Для него всѣ раціоналистическіе гипотезы и теоріи только проба вѣры. Они не столько разрушаютъ нашу вѣру, сколько подтверждаютъ ее.

* * *

Но почему же такъ пріятно, такъ отрадно бываетъ намъ въ свѣтлые дни Христова Воскресенія? Что собственно сообщаетъ намъ эту радость? что придаетъ нашей душѣ столько бодрости, столько свѣта, столько счастья? Почему такихъ восторженныхъ минутъ мы не переживаемъ ни въ одинъ изъ другихъ двенадцатыхъ праздниковъ, а только въ дни св. Пасхи?

Потому, вѣроятно, что ни одинъ изъ христіанскихъ праздниковъ не имѣетъ для нашей вѣры и для нашей жизни такой огромной силы, такого великаго значенія, какъ св. Пасха. Воскресеніе Христово есть прежде всего торжество вѣры, торжество правды, торжество жизни, торжество прогресса, торжество безсмертія. Если Христосъ не воскресъ, пишетъ проф. Булгаковъ, то тщетна вѣра наша, тщетна исторія, тщетенъ прогрессъ, тщетна культура,—все тщетно, тлѣно, безсмыслица“.

Почему же Воскресеніе Христа есть торжество нашей вѣры?

Потому, что христіанство основано, главнымъ образомъ, не на любви къ ближнему, какъ обыкновенно думаютъ. Эта любовь есть въ законѣ Моисеевомъ и у всѣхъ древнихъ учителей мудрости, отъ Сократа до Марка Аврелія, отъ Конфуція до Бодизатвы,—а на фактъ воскресенія Христа. Если Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, то онъ не такой смертный, какъ

¹⁾ „Вопросы философіи и психологій“. 1905 г. кн. 79, Сентябрь—Октябрь.

мы. Если же Онъ не воскресъ, то Онъ, конечно, только человѣкъ, а не воплощеніе Божества. Если Онъ не воскресъ, то мы въ правѣ подвергнуть сильнѣйшему сомнѣнію всѣ Его чудеса, все то, что Онъ говорилъ о Самомъ Себѣ, все то, что общалъ послать людямъ. Если же Онъ воскресъ, то это есть чудо изъ чудесъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія евангельскія чудеса, къ принятію которыхъ не представится тогда уже никакихъ затрудненій. Такое значеніе придавалъ воскресенію Спасителя Христа и ап. Павелъ. Онъ писалъ въ своемъ посланіи къ Коринѣянамъ: „если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша“ (I Кор. 15 гл. 14 ст.). Такое же значеніе придають разсматриваемому нами евангельскому факту и раціоналисты. Давидъ Штраусъ, напимѣръ, пишетъ въ своемъ сочиненіи „Старая и новая вѣра“: „Сколько бы Іисусъ не училъ и не осуществлялъ въ своей жизни все истинное и доброе,—все Его ученіе разсѣялось бы какъ листки бумаги по вѣтру, если бы слѣпая вѣра въ воскресеніе Христа не сохраняла и не связывала эти листы грубымъ и прочнымъ переплетомъ“ ¹⁾.

Если же Воскресеніе Христа есть основаніе нашей вѣры, то какъ не радоваться, какъ не ликовать въ день св. Пасхи, когда чувствуешь сердцемъ, всей душой, что вѣра наша истинная, что основа ея непреложная, что мы не будемъ посрамлены въ нашемъ упованіи? Какъ не радоваться тому, что мы владемъ истиной? Какъ не торжествовать въ дни полного расцвѣта нашей вѣры? Почему не сіять намъ отъ счастья, когда Христосъ воскресъ? Нѣтъ, „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ“.

Воскресеніе Христа есть торжество не только вѣры, но и правды вообще.

Если Христосъ не воскресъ, то мы вынуждаемся признать нѣчто ужасное, не натуральное; именно, что фарисеи, книжники и іудейскіе первосвященники были правы, Сынъ же Человѣчскій былъ не правъ. Почему? Потому что право на свое Божеское достоинство Христосъ основывалъ передъ ними на томъ, что Онъ воскреснетъ въ третій день. Если, посему, Христосъ воскресъ, то Его свидѣтельство истинно, если же нѣтъ, то

¹⁾ „Старая и новая вѣра“ СПб. 1907 г. стр. 49.

Онъ—обманщикъ. Болѣе того, мы должны признать, что мучительное чувство богооставленности, которое на мгновение коснулось души висѣвшаго на крестѣ, было не справедливо, а слѣдующій за нимъ свѣтлый, радостный взоръ къверху, былъ глупостью. На Его молитвенное воззваніе: „Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой,“ Богъ долженъ былъ бы отвѣтить: „Погибни“. Ему, посвятившему всю Свою жизнь на исполненіе воли Божіей, на служеніе Богу, въ качествѣ воздаянія былъ бы ниспосланъ тотъ-же жребій, какъ и хулившему злодѣю. Возвышенное упованіе должно было бы быть съ жестокостью отвергнуто. Фарисеи побѣдили, и Богъ былъ при семъ и скрѣпилъ эту побѣду. Стоитъ только отвергнуть воскресеніе, нужно будетъ отвергнуть и праведнаго, святого Бога, нельзя болѣе вѣрить въ побѣду правды и добра въ этомъ мірѣ, если Иисусъ Христосъ также погибъ, какъ и Іуда. ¹⁾

Одинъ нѣмецкій мыслитель, Гильбертъ,²⁾ со свойственной ему живостью ума и съ большимъ подъемомъ вѣры и чувства такъ писалъ по данному вопросу:

Какая можетъ быть рѣчь о побѣдѣ вообще надъ зломъ, надъ неправдой, когда Христосъ не воскресъ?

Если эта всесовершенная нравственная Личность безъ всякаго пятна и порока, чистая и безконечно великая и сильная по своей безкорыстнѣйшей любви—побѣждена ненавистью, подавлена грѣшными и недостойными людьми, потерпѣла самую жалкую неудачу въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ; если этого чистѣйшаго и боголюбиваго сверхчеловѣка, находившагося въ такомъ искреннемъ общеніи съ Владыкою міра, какъ сынъ съ своимъ отцомъ, и Ему одному служившаго—осудили неправеднымъ судомъ, замучили, опозорили, распяли и умертвили на крестѣ, и Богъ не обнаружилъ никакого состраданія къ нему, не уничтожилъ преступниковъ за пречистую кровь, то, значитъ, нѣтъ правды на землѣ, нѣтъ ничего чистаго и святого въ этомъ грѣшномъ, грязномъ и пошломъ нашемъ мірѣ.

Если побѣдили Каіафа и Іуда, то уничтоженъ самый принципъ правды. Тогда добро безсильно и никогда не сможетъ

¹⁾ Пфеннигсдорфъ: „Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“, стр. 298.

²⁾ См. у еп. Михаила: „Старообрядческая мысль“ 1913 г. № 4, стр. 328.

неправды одолѣть. Тогда зло—законный царь жизни. Если крестъ есть конецъ жизненнаго пути Христа, то не имѣемъ ли мы права обратиться къ Распятому съ вопросомъ: „гдѣ же твой Богъ“?

На крестѣ торжествуетъ зло надъ воплощеннымъ Добромъ, ложь надъ Истиною, пошлость надъ Величіемъ, низость надъ Чистотою, самолюбіе и ненависть надъ Любовью и Безкорыстіемъ. Величайшая нравственная сила сокрушена, нравственный идеалъ уничтоженъ. Кто же послѣ всего этого можетъ еще искренно вѣрить въ послѣднюю побѣду добра и правды? На крестѣ, если за нимъ нѣтъ воскресенія, превращенъ въ ничто весь нравственный міропорядокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вѣра въ любовь и правду Божію. Если Господь не спасъ Христа—эту недосягаемую высокую Личность, Святѣйшаго изъ святыхъ,—то кто же еще можетъ ожидать отъ Бога спасенія своей нравственной личности? Кто еще можетъ вѣрить въ Бога?—Никто. Рѣшительно никто.

Если Христосъ не воскресъ, пишетъ одинъ свѣтскій писатель, Мережковский, то тщетна вѣра наша. И не только вѣра, но и надежда и любовь. Если Христосъ не воскресъ, то Онъ достойно распятъ, ибо Онъ обманулъ человѣчество величайшимъ изъ всѣхъ обмановъ, утверждая что Богъ есть Отецъ Небесный: Богъ, допустившій уничтоженіе такой личности, Которой весь міръ не стоитъ,—не Отецъ, не Богъ; и весь міръ—насмѣшка дьявола надъ человѣкомъ, вся природа — безуміе, проклятіе и хаосъ“. ¹⁾

Если Христосъ воскресъ, значитъ правда и добро оказались могущественнѣе зла. Тогда Его воскресеніе есть твердое ручательство какъ за спасеніе своей нравственной личности, такъ и за окончательную побѣду правды на землѣ. Тогда можно вѣрить, что есть Богъ, есть правда, есть добро!

Воскресеніе Христово является еще торжествомъ общечеловѣческой идеи безсмертія, которая присуща христіанскому ученію въ большей степени, чѣмъ какой-нибудь другой религіи.

Мы знаемъ, что еслибы кто-нибудь, хотя бы одинъ изъ всѣхъ людей, жившихъ на землѣ, не умеръ или вернулся бы изъ смерти въ жизнь, то законъ смерти былъ бы навѣки

¹⁾ „Не миръ, но мечъ“. СПб. 1908 г. стр. 15.

упраздненъ въ своей непобѣдимости. Упраздненъ не только для Того единственного, Кто побѣдилъ смерть, но рѣшительно для всѣхъ людей, подверженныхъ смерти: для Него эта побѣда совершилась бы въ дѣйствительности, для остальныхъ въ возможности. Но одна возможность иного порядка навѣки уничтожаетъ абсолютную реальность существующаго порядка. Какъ утверждение небытія возможно лишь въ томъ случаѣ, если законъ смерти непобѣдимъ, такъ отрицаніе бытія невозможно, если этотъ законъ побѣжденъ, хотя бы жизнью одного существа изъ всѣхъ, когда либо жившихъ въ мірѣ. Какъ безсмертіе всѣхъ упразднилось бы смертію одного, такъ смерть всѣхъ упраздняется безсмертіемъ одного. Если бы люди знали, что одинъ изъ нихъ умеръ и воскресъ, такъ же точно и не отразимо, какъ они знаютъ, что всѣ жившіе умерли, то это знаніе преобразило бы весь человѣческій міръ—внѣшній и внутренній, созерцательный и дѣятельный—науку, искусство, нравственность, полъ, общественность — все до послѣдней клѣточки нашего организма, до послѣдней отвлеченности нашего мышленія.

Мы вѣримъ, что Христосъ воскресъ. Мы вѣримъ, что Его воскресеніемъ упразднена смерть, а безсмертіе восторжествовало. И вѣра эта наполняетъ наши души въ день св. Пасхи невыразимой радостью и восторгомъ. Мы чувствуемъ въ себѣ какую-то бодрость, какой-то неизсякаемый родникъ духовной силы. Посему у насъ на лицѣ столько счастья, а въ душѣ столько блаженства.

Если Христосъ воскресъ, если безсмертіе восторжествовало, то вмѣстѣ съ симъ человѣчеству открывается смыслъ жизни, проясняется великая міровая проблема, указывается давно искомая цѣль, сообщаются новыя силы и „рады бытія“.

Если же Христосъ не воскресъ, если конецъ всему — непобѣдимая смерть, тогда нѣтъ смысла въ жизни, тогда все пустота, ничему нѣтъ оправданія. Тогда вопли справедливы слѣдующія разсужденія одного автора, написавшаго въ духѣ Бодлера статейку, подъ заглавіемъ „Мысли моего труда“:

— Я въ гробу. Черви гложутъ мое тѣло, а кротъ тихо

роетъ свой тоннель надъ моей могилой. Страшная, безсмысленная тишина...

Стоило ли столько лѣтъ мыкаться по бѣлу свѣту для того, чтобы въ концѣ концовъ попасть въ это ужасное мѣсто?

Стоило ли затрачивать ту массу энергіи, которую пришлось затратить въ жизни мнѣ, чтобы въ концѣ концовъ лежать неподвижной, разлагающейся фигурой подъ тяжестью толстаго слоя холодной земли?

Стоило ли испытывать то огромное количество нравственныхъ и физическихъ мукъ, которыя пришлось переиспытать мнѣ на протяженіи моей жизни, чтобы въ результатъ попасть въ безпощадныя руки Смерти—этого единственного реального божества,—которая злорадно опустила меня въ безпросвѣтную тьму могилы?

Какой смыслъ въ этихъ нестерпимыхъ, чисто физическихъ страданіяхъ, непосредственно предшествующихъ моменту Смерти? Кому и какая отъ этого польза?

Какую непонятную намъ цѣль преслѣдуетъ природа въ этомъ дикомъ процессѣ разложенія?

Для чего я и многіе другіе смертныя старались скопить въ своемъ мозгу на протяженіи всей своей жизни этотъ запасъ свѣдѣній, это богатство знаній?

Неужто для того, чтобы безвозвратно все погибло? А еще говорятъ, что ни одинъ видъ энергіи не пропадаетъ въ природѣ. Повидимому, это большое заблужденіе. Я изучилъ десять языковъ, я прошелъ высшую школу, я работалъ надъ многими вопросами человѣческаго знанія, затративши на все это соотвѣтственное количество нервной энергіи. Теперь мой трупъ въ гробу. Куда же дѣлась и во что обратилась вся эта масса затраченнаго мною труда?

Она пропала, безвозвратно погибла. Развѣ это не обидно? Развѣ не больно человѣку сознавать, что весь его умственный багажъ, накопленный столькими трудами во время жизни, всѣ его мысли, чувства, желанія, все его „я“ безслѣдно исчезаетъ, безвозвратно погибаетъ, попадаетъ въ какое-то небытіе, въ какую-то нирвану?..

И вотъ теперь мой трупъ лежитъ въ холодномъ смрадѣ собственного разложенія. Страшная тишина этой постоянной

¹⁾ Д. Мережковский: „Мечъ“, стр. 14. См. сборникъ: „Не міръ, а мечъ“ СПб. 1908 г.

В. Г. Плещин

ночи иной разъ нарушается работой червей, подтачивающихъ гробъ и мой трупъ. Несчастный трупъ!

Прошло нѣкоторое время. Громадный червякъ вползъ въ мою лѣвую ноздрю и, съ трудомъ пробираясь сквозь набухшую, полуразложившуюся слизистую ткань, достигъ нервнаго вещества головного мозга. Достигъ и началъ все глубже и глубже вѣдრяться въ него, выѣдая постепенно и тѣ божественныя участки моего мозга, въ которыхъ хранились драгоценности накопленнаго мною при жизни знанія. Классическое мѣсто моего организма, сѣдалище моей души, которымъ я думалъ, которымъ желалъ, которымъ чувствовалъ—это мѣсто, эта драгоценная нервная ткань—оно наконецъ стало добычей ужасныхъ червей.

Стоить ли рождаться на свѣтъ, стоитъ ли жить, стоитъ ли работать послѣ всего этого? ¹⁾

Эти мысли особенно рѣзко предносятся нашему сознанию при видѣ смерти Спасителя на крестѣ.

„Слушай,—говоритъ въ своемъ пророческомъ изступленіи предъ самоубійствомъ Кирилловъ своему „черту“, Петру Верховенскому,—слушай большую идею: быть на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумашествіе. Не было ни прежде, ни послѣ ему подобнаго, и никогда, даже до чуда. Въ томъ-то и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволовъ водевилъ. Для чего же жить тогда, отвѣчай, если ты человѣкъ?“ ²⁾

Или какъ говоритъ отечественный философъ Вл. Соловьевъ: „Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа ока-

¹⁾ И. Л. Смоленскій: „Этюды“. Одесса. 1914 г., стр. 1—3.

²⁾ Слова Достоевскаго.

зался правымъ, а Иродъ и Пилать мудрыми, то міръ оказался бы *безсмыслицей*, царствомъ зла, обмана и смерти. Дѣло шло не о прекращеніи чьей то жизни, а о томъ, прекратилась ли истинная жизнь, жизнь совершеннаго праведника.“ ¹⁾

Вотъ въ какіе тупики попадаетъ человѣческая мысль при отрицаніи воскресенія Христова. Вотъ къ какимъ печальнымъ выводамъ должны придти люди, отвергающіе этотъ кардинальный догматъ нашей вѣры.

Итакъ, если Христосъ не воскресъ, тогда, какъ говоритъ Достоевскій, антропофагія, людоедство.

Если же Христосъ воскресъ, съ Нимъ все воскресаетъ, все исполняется свѣта, смысла, добра и надежды.

Если Христосъ воскресъ, тогда, значитъ, мы всѣ воскреснемъ, ибо слово Божіе говоритъ: „Нынѣ Христосъ возста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть“ (I Кор. 15 гл. 20 ст.). Если же мы воскреснемъ, значитъ есть загробная жизнь, есть воздаяніе, есть праведный Судія, есть потусторонній міръ, къ которому мы должны приготовиться здѣсь, на землѣ, и гдѣ „Господь коемуждо воздастъ по дѣломъ его.“

Тогда и земная жизнь получаетъ свой смыслъ и свое значеніе. Тогда и смерть не страшна, ибо она есть переходъ къ другому, новому, высшему міру. Тогда и добродѣтель имѣетъ свой конецъ. И порокъ—возмездіе. И преступленіе—наказаніе. Вѣра и надежда—оправданіе.

Мы, хрістіане, твердо вѣримъ въ воскресеніе Христа и потому въ день св. Пасхи у насъ такъ свѣтло, такъ радостно на душѣ.

„И все полно торжественной хвалою—
И Солнце льетъ лучи свои съ небесъ,
И носится тогда надъ радостной землею
Побѣдный кликъ“: Христосъ, Христосъ Воскресъ!
(Н. П. Аксаковъ).

Наконецъ, Воскресеніе Христово есть торжество человѣческаго прогресса, человѣческой культуры.

Вѣдь если Христосъ не воскресъ, то нѣтъ никакого смысла въ прогрессѣ. Прогрессъ обезцѣнивается, теряетъ

¹⁾ В. Соловьевъ: „Пасхальныя письма“. Письмо 1-е „Христосъ воскресъ!“ т. VIII, стр. 107.

свою силу, становится пустымъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тогда вся эта лихорадочная, непрерывно текущая мировая работа? Какой толкъ въ ней? Какому Богу приносится въ жертву и жизнь, и здоровье, и покой, и свобода? И во имя чего всѣ эти скорби, униженія, паденія, слезы, плачь и скрежетъ зубовъ?

Говорятъ, во имя спасенія человѣчества, во имя будущаго, когда наступитъ рай земной, когда не будетъ на землѣ ни страданій, ни мученій, когда будетъ одно сплошное „благоденственное и мирное житіе“.

Но позвольте, какъ справедливо замѣтилъ въ „Подросткѣ“, О. М. Достоевскій:

...„Зачѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ, и которое въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія, время тутъ ничего не значить, когда земля обратится въ свою очередь въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней, т. е. безмыслинѣе чего нельзя себѣ представить. Вотъ ваше ученіе. Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ, тѣмъ болѣе, если все продолжается одну минуту?“

Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: „Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ“. Видите ли-съ, есть три рода подлецовъ на свѣтѣ: подлецы наивные,—т. е. убѣжденные, что ихъ подлость есть величайшее благородство, подлецы стыдящіеся,—т. е., стыдящіеся собственно подлости, но при непремѣнномъ намѣреніи все таки ее докончить, и, наконецъ, просто подлецы, чистокровные подлецы. Позвольте-съ: у меня былъ товарищъ Ламбертъ, который говорилъ мнѣ еще шестнадцати лѣтъ, что когда онъ будетъ богатъ, то самое большое наслажденіе его будетъ кормить хлѣбомъ и мясомъ собакъ, когда дѣти бѣдныхъ будутъ умирать съ голоду; а когда имъ топить будетъ нечѣмъ, то онъ купитъ цѣлый дровяной дворъ, сложить въ полѣ и вытопить поле, а бѣднымъ ни полѣна не дать. Вотъ его чувства! Скажите, что я отвѣчу этому чистокровному подлецу на вопросъ: почему онъ непре-

мѣнно долженъ быть благороднымъ? И особенно теперь, въ наше время, которое такъ передѣляли, потому что, хуже того, что теперь никогда не бывало. Въ нашемъ обществѣ совсѣмъ не ясно, господа. Вѣдь вы Бога отрицаете, подвиговъ отрицаете, какая же коsnость, глухая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе. Вы говорите: „разумное“ отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными. Да чортъ съ ними и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу. Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду; оно веселѣе; что мнѣ за дѣло до того, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ вашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу,—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвиговъ. Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ пренебрежливѣйшимъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились“.¹⁾

И это не единичные голоса. Такого рода рѣчи и разсужденія раздаются вездѣ. Вотъ, напримѣръ, у одного индусскаго подвижника *Суоми Бивеконанда* мы находимъ такія же точно мысли.

„Если жизнь есть только нѣчто маленькое, пяти-минутное, говорить онъ, если вселенная есть только случайное соединеніе атомовъ, то почему я долженъ дѣлать добро другимъ? Зачѣмъ нужно милосердіе, справедливость, сочувствіе? Самое лучшее, къ чему надо было бы стремиться въ этомъ мірѣ—было-бы „убирать сѣно каждому для себя, пока солнце свѣтитъ“. Если нѣтъ надежды на будущее, зачѣмъ я стану любить моего брата, а не перерѣжу ему горло? Если нѣтъ ничего дальше, а есть только неумолимые, бездушные законы, я долженъ бы стараться только сдѣлать себя счастливымъ здѣсь. Вы встрѣтите людей, которые говорятъ въ настоящее время, что для нихъ основаніемъ всей нравственности служатъ соображенія о пользѣ. Что это за основаніе? Доставить наибольшее количество счастья наибольшему числу? Но зачѣмъ я стану это дѣлать? Почему бы мнѣ не причинить самое большее несчастье наибольшему числу, если это служить моимъ цѣлямъ? Если пользой считается наибольшее количество счастья, то моя польза за-

¹⁾ Изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1895 г. т. 8, ч. I, стр. 56—57.

ключается въ томъ, чтобы быть эгоистомъ. Я могу достигнуть наибольшаго счастья, обманывая и губя другихъ".¹⁾

И дѣйствительно, если наша жизнь прекращается смертью навсегда, тогда одинъ исходъ остается для всѣхъ. Именно: жить для себя, въ свое полное удовольствіе, жить на счетъ другихъ, на счетъ ихъ радостей, здоровья, счастья, покоя и свободы.

Такъ именно теперь невѣрующіе и живутъ.

„По крови и трупамъ, другъ друга давая,

Куда-то стремится людская семья“...

Ну хорошо. На время согласимся съ тѣмъ, что всѣ свои труды, заботы, страданія мы должны принести въ жертву будущему человѣчеству. Но вѣдь будущіе люди не смогутъ принять отъ насъ этого драгоценнаго подарка. Будущіе люди съ болѣе чуткой совѣстью, съ болѣе развитымъ чувствомъ общечеловѣческой солидарности и любви будутъ терзаться отъ сознанія, что ихъ благополучіе куплено такою дорогою цѣною, и тогда они въ тысячу разъ жалче насъ и несчастнѣе, и ужъ совершенно не годятся для роли увѣнчивающихъ міровую исторію счастливецъв будущаго. Потому что всякій долженъ былъ бы тогда сказать, какъ Ив. Карамазовъ: „Зачѣмъ эта гармонія, когда въ ней не примутъ участіе тѣ, кто ее создалъ, когда имъ никогда не дадутъ бѣлыхъ одеждъ и вѣтокъ пальмовыхъ. Говорятъ, что всѣ должны страдать, чтобы купить вѣчную гармонію. Но зачѣмъ тутъ дѣти и ихъ страданія? Отказываюсь отъ всякой гармоніи, если она стоитъ такъ дорого. Не стоитъ она слезинки, хотя бы одной только той дѣвочки съ Гай-Маркета. Не стоитъ, потому что слезинки остались некупленными, невознагражденными. Не хочу гармоніи, изъ любви къ человѣчеству не хочу. Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману. Я не могу столько платить за гармонію. И потому я свой билетъ на входъ спѣшу возвратить Ему обратно. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ почтительнѣйше Ему возвращаю“.

Возможенъ, правда, другой отвѣтъ и другой исходъ изъ этихъ противорѣчій. Возможно, что будущее поколѣніе обо всемъ позабудетъ, все припишетъ себѣ самому. Но тогда мы

¹⁾ „Философія Іога“, стр. 102—104.

имѣемъ просто свинство, отталкивающее безобразіе, при одной мысли о которомъ тошнить и мутить, при мысли, что ради мѣщанскаго довольства и благополучія этихъ господъ была заплачена такая цѣна, пролита была мученическая кровь.

Нѣтъ, идея прогресса, пишетъ профессоръ политической экономіи С. Булгаковъ, не даетъ и не можетъ дать исхода изъ трагическихъ противорѣчій жизни, человѣкъ не можетъ спастись отъ нихъ въ прогрессѣ.¹⁾

Только въ признаніи истины, что за крестомъ слѣдуетъ воскресеніе, что Христосъ воскресъ,—рѣшеніе всѣхъ „вѣчно тревожныхъ и страшныхъ“ вопросовъ. Христосъ побѣдилъ смерть, побѣдилъ страданіе. Если такъ, то наше служеніе ближнимъ не работа Сизифа или Данаидъ, наполняющихъ бездонную бочку безъ всякой надежды сдѣлать человѣка дѣйствительно счастливымъ, а соучастіе въ работѣ Христовой, которая должна окончиться въ царствѣ любви и славы Божіей. Съ этой точки зрѣнія страдать съ ближними и для ближнихъ, сострадая, отдавая имъ жизнь,—значитъ залагать камни дѣйствительнаго и вѣчнаго счастья на землѣ.²⁾

Только та увѣренность, что страданія на землѣ готовятъ насъ и ближнихъ нашихъ къ блаженной жизни съ Богомъ, что будущее не только заставитъ страдальцевъ забыть прошедшее, нв и заставитъ благословлять это прошедшее, какъ путь къ радости и счастью, только эта увѣренность окончательно примиритъ нашу мысль съ видомъ страданій на землѣ.

Итакъ, въ воскресеніи Христа рѣшался вопросъ о смыслѣ міра, жизни, исторіи, о правдѣ міра. Въ немъ все бы умерло, и съ Нимъ все воскресаетъ, исполняется свѣта и смысла, становится свѣтоноснымъ, даже теорія прогресса, которою теперь человѣчество отгораживается отъ религіи, получаетъ высшій смыслъ и значеніе.

Вотъ почему такъ легко, такъ отрадно и свѣтло бываетъ на душѣ въ день св. Пасхи. Вотъ почему пасхальный звонъ всегда звучитъ такъ торжественно и дивно. Вотъ почему въ этотъ великій и свѣтлый день больше, чѣмъ когда бы то ни было, хочется жить, вѣрить, всѣхъ любить и молиться.

Христосъ Воскресъ!

¹⁾ „Интеллигенція и религія“. Москва. 1908 г., стр. 43.

²⁾ Еп. Михаилъ: „о вѣрѣ и невѣріи“ 1908 г. ч. I.

* * *

Но мы видимъ уже, какъ противъ насъ выдвигается главный логическій идолъ нашего времени — „научность“, передъ которымъ пасуютъ, склоняютъ свои колѣни многіе, даже смѣлые умы. Мы слышимъ хриплый, скрипучій, мертвый голосъ ея оракуловъ, говоряцій: какъ можно говорить о воскресеніи, о чудесахъ, вообще о такихъ вещахъ, которыя давно упразднены наукой и отнесены къ числу отжившихъ суевѣрій.

Въ отвѣтъ на это послѣднее возраженіе мы приведемъ слова г. Мейера, встрѣченныя нами въ Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія за 1909 годъ, слова какъ нельзя лучше и удачнѣе опровергающія несправедливость поставленнаго тезиса.

„Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ играетъ огромную роль идея чуда, которую нельзя истолковать, какъ попытку объяснить какое-либо явленіе природы. Чудо всегда понималось, какъ нѣчто необычное, возможное лишь для какихъ-то сверхчеловѣческихъ силъ. Поэтому, когда дѣло идетъ о вѣрованіи въ чудо, научная критика теряетъ свою силу. Говорятъ, будто наука доказала невозможность чудесъ. Но вѣдь всякій разъ, когда наука доказываетъ невозможность того или иного чуда, т. е. указываетъ на нарушеніе въ данномъ чудѣ такъ называемыхъ законовъ природы, она только подтверждаетъ, что данное чудо — дѣйствительно чудо. Но возможно ли вообще то, что невозможно съ точки зрѣнія законовъ природы — это уже особый вопросъ.

Научное описаніе явленій природы не мирится, конечно, съ чудомъ. Наука перестала бы быть наукой, если бы она отказалась отъ идеи закономерности. Это ея регулятивный принципъ. Но научное описаніе не охватываетъ всей реальности. Если бы это было такъ, чудо, конечно, было бы немислимимъ. На самомъ же дѣлѣ наука не можетъ себѣ ставить такихъ задачъ и то, что не вмѣщается въ рамки научнаго описанія, строго говоря, не должно разсматриваться какъ абсолютно невозможное. Наука, такимъ образомъ, устраняетъ чудо не изъ реальности, а изъ своего описанія реальности“. ¹⁾

¹⁾ Журналъ М. Н. П. 1909 г. Іюнь, стр. 389—390.

Если, такимъ образомъ, наука не можетъ вообще отрицать чуда, то истины воскресенія она тѣмъ болѣе не можетъ отрицать, потому что это чудо изъ чудесъ.

* * *

Трезвонять... Христосъ Воскресъ!.. Христосъ воскресъ!.. Вы вѣрите? Нѣтъ?

А я вѣрю! Я вѣрю! Это такъ широко, такъ смѣло, такъ полно глубокаго таинственнаго смысла! Говорятъ: будетъ время и наша земля обледенѣетъ и, какъ могила, будетъ носиться въ пространствѣ... Но отчего такъ хочется жить? Отчего такъ хочется мечтать и вѣрить, что это вздоръ, призраки и только?...¹⁾

— Смерть не беретъ всего. Все разумное, свѣтлое, безсмертное остается... Оно все больше и больше осаждается на землѣ, какъ иней, и будетъ время, — вся земля проснется въ одно утро разумною, свѣтлою, безсмертною... Христосъ воскресъ—это запѣвъ къ той жизни.

— Такой звонкій, красивый, вдохновенный запѣвъ. Онъ поднялся надъ землею рано, еще вся земля спала и не мечтала объ иной жизни.

Онъ прозвенѣлъ неожиданно, смѣло, чарующе и помянулъ туда, въ даль, въ иные, края... Пусть люди не вѣрятъ, онъ звенитъ. Онъ будитъ тоску по иной жизни, онъ зоветъ... И если когда нибудь люди совсѣмъ перестанутъ вѣрить въ него и онъ не поднимется больше къ небу въ пасхальную ночь, это будетъ означать, что земля уже обледенѣла и безсмысленно носится въ пространствѣ...

— Пусть звонятъ колокола! Пусть шумятъ! Это — протестъ челоѣчества противъ своего одиночества, смерти, безсмысленности... Это вѣра, милая, дѣтская, трогательная вѣра въ свою весну, въ свои солнце, цвѣты, ласки, когда челоѣчество узнаетъ все, найдетъ счастье и отдохнетъ...

Христосъ воскресъ!

¹⁾ Р. П. Кумовъ. „Безсмертники“. СПб. 1909 г., стр. 329.